ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

# ИСКРА

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

„Изъ искры возгорится пламя!“... Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

№ 24 — 1 СЕНТЯБРЯ 1902 ГОДА. — № 24

## ПРОЕКТЪ НОВАГО ЗАКОНА О СТАЧКАХЪ.

Намъ доставленъ новый тайный документъ: записка министерства финансовъ „о пересмотрѣ статей закона, карающихъ забастовки и досрочныя расторженія договоровъ о наймѣ, и о желательности установленія организацій рабочихъ въ цѣляхъ самопомощи“. Въ виду обширности этой записки и необходимости ознакомленія съ ней возможно болѣе широкихъ слоевъ рабочаго класса, мы издаемъ ее особой брошюрой. Теперь же изложимъ вкратцѣ содержаніе этого интереснаго документа и укажемъ на его значеніе.

Записка начинается краткимъ очеркомъ исторіи нашего фабричнаго законодательства, указаніемъ на законы 3 іюня 1886г., 2 го іюня 1897г. и переходитъ затѣмъ къ вопросу объ отмѣнѣ уголовнаго наказанія за уходъ съ работы и за стачки. М-ство фин. полагаетъ, что угроза арестомъ или тюрьмой за самовольный уходъ съ работы одного рабочаго или за прекращеніе работы по уговору многихъ рабочихъ не достигаетъ своей цѣли. Сохраненіе общественнаго порядка этимъ не обезпечивается, какъ показалъ опытъ; рабочихъ эта угроза только озлобляетъ, убѣждая ихъ въ несправедливости закона. Примѣнять эти законы очень трудно „въ виду крайней обременительности возбужденія сотни и иногда тысячи дѣлъ“ за уходъ каждаго рабочаго, а также и въ виду того, что фабриканту невыгодно остаться безъ рабочихъ, если ихъ засадятъ за стачку. Признаніе стачки преступленіемъ вызываетъ чрезмѣрно усердное вмѣшательство полиціи приносящее больше вреда, чѣмъ пользы, больше затрудненій и хлопотъ фабрикантамъ, чѣмъ облегченія. Записка предлагаетъ совершенно отмѣнить всякія наказанія за самовольный уходъ отдѣльнаго рабочаго съ фабрики и за мирную стачку (не сопровождаемую ни насиліемъ, ни нарушеніемъ общественнаго порядка и т. п.). Наказанія должны быть установлены, по образцу иностранныхъ законовъ, только „за насилія, угрозы или обезславленія(!), совершенныя кѣмъ-либо изъ работодателей или рабочихъ по отношенію къ личности или имуществу другого и имѣющія цѣлью, вопреки свободнымъ и законнымъ намѣреніямъ послѣдняго принудить его или помѣшать ему — вести работу на тѣхъ или иныхъ условіяхъ. Другими словами, вмѣсто уголовнаго наказанія за стачки предполагается уголовное наказаніе за помѣху „желающимъ работать“.

Что касается до обществъ самопомощи, то м-ство фин. жалуется на административный произволъ въ этомъ дѣлѣ (особенно проявившійся, де, въ Москвѣ, гдѣ общество механическихъ рабочихъ заявило даже претензію на „посредническую роль“ между рабочими и администраціей) и требуетъ проведенія въ законодательномъ порядкѣ нормальнаго устава такихъ обществъ и облегченія устройства ихъ.

Такимъ образомъ, общій характеръ новой записки м-ства фин., несомнѣнно, либеральный, и центральнымъ пунктомъ является предложеніе отмѣнить уголовное наказаніе за стачки. Мы не станемъ здѣсь подробно разбирать содержаніе всего „законопроэкта“ (это удобнѣе будетъ сдѣлать послѣ напечатанія всей записки цѣликомъ), а обратимъ вниманіе читателя на характеръ и значеніе этого либерализма. Предложеніе предоставить рабочимъ нѣкоторую свободу стачекъ и свободу организацій — не новость не только въ нашей либеральной публицистикѣ, но и въ предначертаніяхъ оффиціальныхъ, правительственныхъ коммисій. Въ началѣ 60-хъ годовъ коммиссія Штакельберга, пересматривавшая уставы фабричный и ремесленный, предлагала учредить промышленные суды изъ выборныхъ отъ рабочихъ и хозяевъ и дать рабочимъ извѣстную свободу организацій. Въ 80-хъ годахъ коммиссія по составленію проекта новаго уголовнаго уложенія предполагала отмѣнить уголовныя наказанія за стачки. Но теперешній проектъ м-ства фин. существенно отличается отъ предъидущихъ, и это отличіе останется крайне важнымъ знаменіемъ времени даже и въ томъ случаѣ, если предложенія новаго проекта также останутся подъ сукномъ, какъ и всѣ прежнія. Существенное отличіе состоитъ въ томъ, что новый проектъ характеризуется несравненно большей „точненностью“: вы чувствуете въ немъ не только голосъ немногихъ теоретическихъ передовиковъ и идеологовъ буржуазіи, а голосъ цѣлаго слоя промышленниковъ-практиковъ. Это уже не либерализмъ однихъ только „гуманныхъ“ чиновниковъ и профессоровъ, это доморощенный, отечественный либерализмъ московскихъ купцовъ и промышленниковъ. Этотъ фактъ, скажу откровенно, наполняетъ мое сердце высокой патріотической гордостью: алтынный либерализмъ купца значитъ много больше, чѣмъ пятиалтынный либерализмъ чиновника. И самыми интересными въ запискѣ являются не тошнотворныя разсужденія о свободѣ договора и о пользѣ государства, а тѣ практическія соображенія фабрикантовъ, которыя прорываются сквозь традиціонно-юридическую аргументацію.

Не въ терпежъ! Надоѣло! Не суйся! — вотъ что говоритъ ... щенно непонятнымъ и поселяетъ увѣренность въ несправедливомъ къ нимъ отношеніи и произволѣ властей“... Чтобы полиція когда-нибудь удовлетворяла даже незаконныя требованія рабочихъ посредствомъ воздѣйствія на фабрикантовъ, это, конечно, увлеченіе г.г. капиталистовъ, которые хотятъ сказать, что иногда они сами, поторговавшись со стачечниками, дали бы имъ меньше, чѣмъ приходится дать подъ давленіемъ грознаго призрака „нарушенія государственнаго порядка и спокойствія“. Записка подпускаетъ шпильку м-ству внутр. дѣлъ, которое въ циркулярѣ отъ 12 авг. 1897г. „изданномъ безъ соглашенія съ м-вомъ фин.“ (вотъ гдѣ собака-то зарыта!) предписываетъ и аресты и высылки при каждой стачкѣ и направленіе дѣлъ о стачкахъ въ порядкѣ охраны. „Высшія административныя власти — продолжаетъ записка излагать жалобы фабрикантовъ — идутъ еще дальше (закона) и придаютъ всѣмъ (курсивъ ориг.) случаямъ стачекъ прямо государственное значеніе... Между тѣмъ, въ сущности, всякая забастовка (конечно, если она не сопровождается насиліями) есть явленіе чисто экономическое, вполнѣ естественное и отнюдь не угрожающее общественному порядку и спокойствію. Охрана послѣдняго въ этихъ случаяхъ должна бы выражаться въ формахъ, подобно практикуемымъ во время народныхъ гуляній, торжествъ зрѣлищъ, и т. п. случаевъ“.

Это — языкъ настоящихъ либераловъ-манчестерцевъ, объявляющихъ борьбу капитала и труда чисто естественнымъ явленіемъ, приравнивающихъ съ замѣчательной откровенностью „торговлю товарами“ к „торговлю трудомъ“ (въ другомъ мѣстѣ записки), требующихъ невмѣшательства государства, отводящихъ этому государству роль ночного (и дневного) сторожа. И, что особенно важно, встать на эту либеральную точку зрѣнія заставилъ русскихъ фабрикантовъ не кто иной, какъ наши рабочіе. Рабочее движеніе такъ широко разрослось, что стачки дѣйствительно стали „естественнымъ экономическимъ явленіемъ“. Борьба рабочихъ приняла такія упорныя формы, что вмѣшательство полицейскаго государства, запрещающее всякое проявленіе этой борьбы, дѣйствительно стало оказываться вреднымъ не только для рабочихъ (имъ-то оно никогда кромѣ вреда ничего не приносило), но и для самихъ фабрикантовъ, въ пользу которыхъ это вмѣшательство дѣлалось. Рабочіе сдѣлали полицейскія запрещенія фактически безсильными, — но полиція продолжала (и не могла въ самодержавномъ государствѣ не продолжать) вмѣшиваться и, чувствуя свое безсиліе, металась изъ стороны въ сторону: то военная сила, то уступки, то звѣрская расправа, то заигрываніе. Чѣмъ меньше значенія получало полицейское вмѣшательство, тѣмъ острѣе чувствовался фабрикантами произволъ полиціи, тѣмъ болѣе склонялись они къ убѣжденію, что имъ не разсчетъ поддерживать этотъ произволъ. Конфликтъ между извѣстной частью крупныхъ промышленниковъ и полицейскомъ всевластіемъ все обострялся и принялъ особенно рѣзкія формы въ Москвѣ, гдѣ система заигрыванья съ рабочими расцвѣла особенно пышно. Записка прямо жалуется на московскую администрацію, затѣявшую опасную игру съ собесѣдованіями рабочихъ и обществомъ взаимопомощи рабочихъ въ механическомъ производствѣ. „Чтобы приманить рабочихъ, пришлось дать совѣту этого общества извѣстное право посредничества, — и фабриканты сейчасъ же встали на дыбы. „Сначала сей совѣтъ — пишетъ подъ ихъ диктовку записка — обращался къ чинамъ фабричной инспекціи, но засимъ, видя, что послѣдніе не признаютъ его компетенціи въ принятой на себя самовольно посреднической роли, онъ сталъ обращаться къ оберполицмейстеру, который не только принимаетъ получаемыя заявленія, но даетъ имъ законный ходъ, чѣмъ санкціонируетъ присвоенныя себѣ совѣтомъ права“. Фабриканты протестуютъ противъ частныхъ административныхъ распоряженій и требуютъ законодательнаго установленія новаго порядка.

Правда, либерализмъ фабрикантовъ не выходитъ пока изъ очень узкихъ профессіональныхъ рамокъ, ихъ враждебность къ полицейскому произволу ограничивается отдѣльными проявленіями невыгодныхъ для нихъ крайностей, не направлялась противъ коренныхъ основъ бюрократическаго самовластья. Но оростѣ этой враждебности, о расширеніи поводовъ для нея, о ея углубленіи позаботится экономическое развитіе Россіи и всего міра, обостряя классовые антагонизмы капиталистическихъ странъ. Сила пролетаріата въ томъ и состоитъ, что его численность и сплоченность увеличивается въ силу самаго процесса экономическаго развитія, тогда какъ среди крупной и мелкой буржуазіи все усиливается разрозненность и раздробленность интересовъ. Чтобы учесть это „естественное“ преимущество пролетаріата, соціальдемократія должна внимательно слѣдить за всѣми столкновеніями интересовъ среди господствующихъ классовъ, пользуясь этими столкновеніями не только въ цѣляхъ извластіе приходитъ въ столкновеніе то съ тѣми, то съ другими интересами даже такихъ слоевъ буржуазіи, которыхъ всего непосредственнѣе охраняетъ царская полиція, которымъ непосредственно грозитъ матеріальнымъ ущербомъ всякое ослабленіе узды, надѣтой на пролетаріатъ.

Оказывается, что дѣйствительно революціонное движеніе дезорганизуетъ правительство не только прямо тѣмъ, что просвѣщаетъ, возбуждаетъ и сплачиваетъ эксплуатируемыя массы, но и косвенно тѣмъ, что отнимаетъ почву у обветшалыхъ законовъ, отнимаетъ вѣру въ самовластіе даже у его кровныхъ, казалось бы, присныхъ, учащаетъ „домашнія ссоры“ между этими присными, замѣняетъ твердость и единство въ лагерѣ враговъ раздорами и шатаніями. Но чтобъ достигать такихъ результатовъ, нужно одно условіе, котораго никогда не могли усвоить наши соц.-революціонеры: для этого необходимо, чтобы движеніе было дѣйствительно революціоннымъ т. е. поднимало къ новой жизни все болѣе и болѣе широкіе слои дѣйствительно революціоннаго класса, преобразовывало бы фактически духовно-политическій обликъ этого класса, а черезъ его посредство и всѣхъ тѣхъ, кто съ нимъ соприкасается. Усвоивъ эту истину, с.-р. поняли бы, какой практическій вредъ приноситъ ихъ безъидейность и безпринципность въ коренныхъ вопросахъ соціализма, поняли бы, что не правительственныя, а революціонныя силы дезорганизуютъ люди проповѣдующіе, что противъ толпы у самодержавія есть солдаты, противъ организацій — полиція, а вотъ отдѣльные террористы, смѣщающіе министровъ и губернаторовъ, по истинѣ неуловимы.

Есть и еще одинъ полезный урокъ въ новомъ „шагѣ“ фабрикантскаго вѣдомства. Этотъ урокъ состоитъ въ томъ, что надо умѣть пользоваться всякимъ хотя бы даже и алтыннымъ либерализмомъ на дѣлѣ, и надо въ тоже время „въ оба смотрѣть“, чтобы этотъ либерализмъ не развращалъ народныхъ массъ своей лживой постановкой вопросовъ. Примѣръ — г. Струве, разговоръ съ которымъ мы бы озаглавили: — „какъ либералы хотятъ учить рабочихъ и какъ рабочіе должны учить либераловъ“. Начавъ печатаніе разобранной нами записки въ № 4 „Освобожденія“, г. Струве говоритъ тамъ, между прочимъ, что новый проектъ есть выраженіе „государственнаго смысла“, каковому смыслу врядъ-ли де пробиться черезъ стѣну произвола и безсмыслія. Не такъ это, г. Струве. Не „государственный смыслъ“ выдвинулъ проектъ новаго закона о стачкахъ, а выдвинули его фабриканты. Не потому появился этотъ проектъ, что государство „признало“ основныя начала гражданскаго права (буржуазную „свободу и равенство“ хозяевъ и рабочихъ), а потому, что отмѣна наказанія за стачки стала выгодной для фабрикантовъ. Юридическія формулировки и вполнѣ доказательныя мотивировки, которыя даетъ теперь „само“ (Осв. № 4. стр. 50) министерство финансовъ, имѣлись на лицо давнымъ давно и въ русской литературѣ и даже въ трудахъ правительственныхъ коммисій, — но все это оставалось подъ спудомъ, пока не заговорили хозяева промышленности, которымъ рабочіе практически демонстрировали нелѣпость старыхъ законовъ. Мы подчеркиваемъ это рѣшающее значеніе фабрикантскихъ выгодъ и фабрикантской заинтересованности не потому, чтобы это ослабляло, на нашъ взглядъ, значеніе предначертаній правительства, — напротивъ, мы уже сказали, что видимъ въ этомъ усиленіе ихъ значенія. Но пролетаріату въ его борьбѣ противъ всего современнаго строя надо прежде всего научиться смотрѣть на вещи прямо и трезво, вскрывать настоящія побудительныя причины „высокихъ государственныхъ дѣяній“ и неуклонно разоблачать тѣ лживыя напыщенныя фразы о „государственномъ смыслѣ“ и т. п., которыя ловкими полицейскими чинами выдвигаются по разсчету, а учеными либералами — по близорукости.

Далѣе г. Струве совѣтуетъ рабочимъ быть „сдержанными“ въ агитаціи за отмѣну наказаній за стачки. „Чѣмъ сдержаннѣе будетъ она (эта агитація) по формамъ, — проповѣдуетъ г. Струве, — тѣмъ больше будетъ ея значеніе“. Рабочій долженъ хорошенько отблагодарить бывшаго соціалиста за такіе совѣты. Эта традиціонная молчалинская мудрость либераловъ — проповѣдывать сдержанность именно тогда, когда правительство едва начало колебаться (по какому нибудь частному вопросу). Надо быть сдержаннѣе, чтобы не помѣшать провести начатую реформу, чтобы не запугать, чтобы использовать благопріятный моментъ, когда первый шагъ уже сдѣланъ (записка составлена!) и когда признаніе какимъ-либо вѣдомствомъ необходимости реформъ даетъ „неопровержимое (?) и для самаго правительства и для общества (!) доказательство справедливости и своевременности“ (?) этихъ реформъ. Такъ разсуждаетъ г. Струве о разбираемомъ нами проектѣ, такъ разсуждали всегда россійскіе либералы. Не

быть установлены, по образцу иностранныхъ законовъ, только „за насилія, угрозы или обезславленія(!), совершенныя кѣмъ-либо изъ работодателей или рабочихъ по отношенію къ личности или имуществу другого и имѣющія цѣлью, вопреки свободнымъ и законнымъ намѣреніямъ послѣдняго принудить его или помѣшать ему — вести работу на тѣхъ или иныхъ условіяхъ. Другими словами, вмѣсто уголовнаго наказанія за стачки предполагается уголовное наказаніе за помѣху „желающимъ работать“.

Что касается до обществъ самопомощи, то м-ство фин. жалуется на административный произволъ въ этомъ дѣлѣ (особенно проявившійся, де, въ Москвѣ, гдѣ общество механическихъ рабочихъ заявило даже претензію на „посредническую роль“ между рабочими и администраціей) и требуетъ проведенія въ законодательномъ порядкѣ нормальнаго устава такихъ обществъ и облегченія устройства ихъ.

Такимъ образомъ, общій характеръ новой записки м-ства фин., несомнѣнно, либеральный, и центральнымъ пунктомъ является предложеніе отмѣнить уголовное наказаніе за стачки. Мы не станемъ здѣсь подробно разбирать содержаніе всего „законопроэкта“ (это удобнѣе будетъ сдѣлать послѣ напечатанія всей записки цѣликомъ), а обратимъ вниманіе читателя на характеръ и значеніе этого либерализма. Предложеніе предоставить рабочимъ нѣкоторую свободу стачекъ и свободу организацій — не новость не только въ нашей либеральной публицистикѣ, но и въ предначертаніяхъ оффиціальныхъ, правительственныхъ коммиссій. Въ началѣ 60-хъ годовъ коммиссія Штакельберга, пересматривавшая уставы фабричный и ремесленный, предлагала учредить промышленные суды изъ выборныхъ отъ рабочихъ и хозяевъ и дать рабочимъ извѣстную свободу организацій. Въ 80-хъ годахъ коммиссія по составленію проекта новаго уголовнаго уложенія предполагала отмѣнить уголовныя наказанія за стачки. Но теперешній проектъ м-ства фин. существенно отличается отъ предъидущихъ, и это отличіе останется крайне важнымъ знаменіемъ времени даже и въ томъ случаѣ, если предложенія новаго проекта также останутся подъ сукномъ, какъ и всѣ прежнія. Существенное отличіе состоитъ въ томъ, что новый проектъ характеризуется несравненно большей „зочвенностью“: вы чувствуете въ немъ не только голосъ немногихъ теоретическихъ передовиковъ и идеологовъ буржуазіи, а голосъ цѣлаго слоя промышленниковъ-практиковъ. Это уже не либерализмъ однихъ только „гуманныхъ“ чиновниковъ и профессоровъ, это доморощенный, отечественный либерализмъ московскихъ купцовъ и промышленниковъ. Этотъ фактъ, скажу откровенно, наполняетъ мое сердце высокой патріотической гордостью: алтынный либерализмъ купца значитъ много больше, чѣмъ пятиалтынный либерализмъ чиновника. И самыми интересными въ запискѣ являются не тошнотворныя разсужденія о свободѣ договора и о пользѣ государства, а тѣ практическія соображенія фабрикантовъ, которыя прорываются сквозь традиціонно-юридическую аргументацію.

Не въ терпежъ! Надоѣло! Не суйся! — вотъ что говоритъ русскій фабрикантъ русской полиціи устами автора министерской записки. Послушайте-ка, въ самомъ дѣлѣ, слѣдующія разсужденія:

„По взглядамъ полицейскихъ органовъ, находящимъ себѣ поддержку въ неопредѣленности и сбивчивости дѣйствующаго закона, всякая забастовка разсматривается не какъ естественное экономическое явленіе, но непремѣнно какъ нарушеніе общественнаго порядка и спокойствія. Между тѣмъ, еслибы существовало болѣе спокойное отношеніе къ фактамъ прекращенія работы на фабрикахъ и заводахъ, и забастовки не отождествлялись бы съ нарушеніемъ общественнаго порядка, то было бы гораздо легче выяснить истинныя причины таковыхъ, отдѣлить законные и справедливые поводы отъ незаконныхъ и неосновательныхъ и принимать соотвѣтствующія мѣры къ миролюбивому соглашенію сторонъ. При подобномъ, болѣе нормальномъ порядкѣ мѣры пресѣченія и подавленія принимались бы лишь тогда, когда были бы на лицо факты, удостовѣряющіе наличность безпорядка“. Полиція не разбираетъ причинъ стачки, а заботится только о прекращеніи ея, пуская въ ходъ одинъ изъ двухъ пріемовъ: либо заставляя рабочихъ (арестами, высылками и др. мѣрами „до употребленія военной силы включительно“) взяться за работу, либо побуждая хозяевъ къ уступкамъ. „Нельзя сказать, чтобы хотя одинъ изъ этихъ пріемовъ былъ удобенъ“ для гг. фабрикантовъ: первый „поселяетъ озлобленіе въ средѣ рабочихъ“, второй „укрѣпляетъ у рабочихъ крайне вредное убѣжденіе въ томъ, что забастовка есть вѣрнѣйшее средство добиться исполненія своихъ пожеланій во всякомъ случаѣ“. „Исторія забастовокъ, происходившихъ въ теченіе послѣдняго 10-тилѣтія, даетъ много примѣровъ того вреда, который является результатомъ стремленія быстраго подавленія возникающихъ осложненій какой бы то ни было цѣною. Поспѣшно произведенные аресты вызывали иногда такое озлобленіе среди совершенно спокойныхъ до сего рабочихъ, что приходилось пускать въ дѣло казаковъ, послѣ чего, конечно, не могло быть и рѣчи объ удовлетвореніи даже законныхъ требованій забастовавшихъ. Съ другой стороны, случаи быстраго удовлетворенія незаконныхъ требованій рабочихъ посредствомъ воздѣйствія на фабрикантовъ вызывали непремѣнно аналогичныя же стачки въ другихъ промышленныхъ заведеніяхъ, въ которыхъ приходилось уже примѣнять не систему уступокъ, а военную силу, что бываетъ для рабочихъ совершенно разорительнымъ“. Въ результатѣ стачки не стали „естественнымъ экономическимъ явленіемъ“. Борьба рабочихъ приняла такія упорныя формы, что вмѣшательство полицейскаго государства, запрещающее всякое проявленіе этой борьбы, дѣйствительно стало оказываться вреднымъ не только для рабочихъ (имъ-то оно никогда кромѣ вреда ничего не приносило), но и для самихъ фабрикантовъ, въ пользу которыхъ это вмѣшательство дѣлалось. Рабочіе сдѣлали полицейскія запрещенія фактически безсильными, — но полиція продолжала (и не могла въ самодержавномъ государствѣ не продолжать) вмѣшиваться и, чувствуя свое безсиліе, металась изъ стороны въ сторону: то военная сила, то уступки, то звѣрская расправа, то заигрыванье. Чѣмъ меньше значенія получало полицейское вмѣшательство, тѣмъ острѣе чувствовался фабрикантами произволъ полиціи, тѣмъ болѣе склонялись они къ убѣжденію, что имъ не разсчетъ поддерживать этотъ произволъ. Конфликтъ между извѣстной частью крупныхъ промышленниковъ и полицейскомъ всевластіемъ все обострялся и принялъ особенно рѣзкія формы въ Москвѣ, гдѣ система заигрыванья съ рабочими расцвѣла особенно пышно. Записка прямо жалуется на московскую администрацію, затѣявшую опасную игру съ собесѣдованіями рабочихъ и обществомъ взаимопомощи рабочихъ въ механическомъ производствѣ. Чтобы приманить рабочихъ, пришлось дать совѣту этого общества извѣстное право посредничества, — и фабриканты сейчасъ же встали на дыбы. „Сначала сей совѣтъ — пишетъ подъ ихъ диктовку записка — обращался къ чинамъ фабричной инспекціи, но засимъ, видя, что послѣдніе не признаютъ его компетенціи въ принятой на себя самовольно посреднической роли, онъ сталъ обращаться къ оберполицмейстеру, который не только принимаетъ получаемыя заявленія, но даетъ имъ законный ходъ, чѣмъ санкціонируетъ присвоенныя себѣ совѣтомъ права“. Фабриканты протестуютъ противъ частныхъ административныхъ распоряженій и требуютъ законодательнаго установленія новаго порядка.

Правда, либерализмъ фабрикантовъ не выходитъ пока изъ очень узкихъ профессіональныхъ рамокъ, ихъ враждебность къ полицейскому произволу ограничивается отдѣльными проявленіями невыгодныхъ для нихъ крайностей, не направляясь противъ коренныхъ основъ бюрократическаго самовластья. Но о ростѣ этой враждебности, о расширеніи поводовъ для нея, о ея углубленіи позаботится экономическое развитіе Россіи и всего міра, обостряя классовые антагонизмы капиталистическихъ странъ. Сила пролетаріата въ томъ и состоитъ, что его численность и сплоченность увеличивается въ силу самаго процесса экономическаго развитія, тогда какъ среди крупной и мелкой буржуазіи все усиливается разрозненность и раздробленность интересовъ. Чтобы учесть это „естественное“ преимущество пролетаріата, соціальдемократія должна внимательно слѣдить за всѣми столкновеніями интересовъ среди господствующихъ классовъ, пользуясь этими столкновеніями не только въ цѣляхъ извлеченія практической выгоды въ пользу тѣхъ или иныхъ слоевъ рабочаго класса, но и въ цѣляхъ просвѣщенія всего рабочаго класса, въ цѣляхъ извлеченія полезнаго урока изъ каждаго новаго соціально-политическаго эпизода.

Практическая выгода для рабочихъ отъ предлагаемаго либеральными фабрикантами измѣненія закона слишкомъ очевидна, чтобы на ней стоило долго останавливаться. Это несомнѣнная уступка растущей силѣ, оставленіе непріятелемъ одной изъ его позицій, которая уже фактически почти отвоевана революціоннымъ пролетаріатомъ и защищать которую дальше не хотятъ наиболѣе дальновидные вожди вражеской арміи. Невелика эта уступочка, что и говорить: во 1-хъ, смѣшно и думать о возможности настоящей свободы, свободы стачекъ при отсутствіи политической свободы. Право арестовъ и высылокъ безъ суда остается у полиціи и останется у нея до тѣхъ поръ, пока существуетъ самодержавіе. А сохраненіе этого права означаетъ сохраненіе девяти десятыхъ всей той полицейской склоки, тѣхъ безобразій и того произвола, который начинаетъ претить даже и фабрикантамъ. Во вторыхъ, и въ узкой области собственно промышленнаго законодательства министерство финансовъ дѣлаетъ очень робкій шагъ впередъ, подражая тому нѣмецкому законопроекту, который нѣмецкіе рабочіе прозвали „каторжнымъ“ законопроектомъ, оставляя особыя наказанія „за насилія, угрозы и обезславленія“, стоящія въ связи съ договоромъ о наймѣ, какъ будто бы не существовало общихъ уголовныхъ законовъ, карающихъ эти проступки! Но и маленькой уступкой русскіе рабочіе сумѣютъ воспользоваться для укрѣпленія своей позиціи, для усиленія и расширенія своей великой борьбы за освобожденіе трудящагося человѣчества отъ наемнаго рабства.

Что касается до полезнаго урока, которому насъ учитъ новая записка, то мы должны замѣтить прежде всего, что протестъ фабрикантовъ противъ средневѣковаго закона о стачкахъ показываетъ намъ на маленькомъ частномъ примѣрѣ общее несоотвѣтствіе интересовъ развивающейся буржуазіи и отживающаго абсолютизма. Объ этомъ слѣдовало бы поразмыслить тѣмъ людямъ, которые (подобно соц.-рев.) до сихъ поръ боязливо закрываютъ глаза на элементы буржуазной оппозиціи въ Россіи и твердятъ по-старинкѣ, что „интересы“ (вообще!) русской буржуазіи удовлетворены. Оказывается, что полицейское самодержавіе, даже при самомъ угодливомъ отношеніи къ фабрикантамъ, не можетъ удовлетворить ихъ интересовъ. Но, съ другой стороны, пролетаріату слѣдуетъ внимательно слѣдить за проявленіями буржуазнаго либерализма, чтобы этотъ либерализмъ не развращалъ народныхъ массъ своей лживой постановкой вопросовъ. Примѣръ: — г. Струве, разговоръ съ которымъ мы бы озаглавили: — „какъ либералы хотятъ учить рабочихъ и какъ рабочіе должны учить либераловъ“. Начавъ печатаніе разобранной нами записки въ № 4 „Освобожденія“, г. Струве говоритъ тамъ, между прочимъ, что новый проектъ есть выраженіе „государственнаго смысла“, каковому смыслу врядъ-ли де пробиться черезъ стѣну произвола и безсмыслія. Не такъ это, г. Струве. Не „государственный смыслъ“ выдвинулъ проектъ новаго закона о стачкахъ, а выдвинули его фабриканты. Не потому появился этотъ проектъ, что государство „признало“ основныя начала гражданскаго права (буржуазную „свободу и равенство“ хозяевъ и рабочихъ), а потому, что отмѣна наказанія за стачки стала выгодной для фабрикантовъ. Юридическія формулировки и вполнѣ доказательныя мотивировки, которыя даетъ теперь „само“ (Осв. № 4, стр. 50) министерство финансовъ, имѣлись на лицо давнымъ давно и въ русской литературѣ и даже въ трудахъ правительственныхъ коммисій, — но все это оставалось подъ спудомъ, пока не заговорили хозяева промышленности, которымъ рабочіе практически демонстрировали нелѣпость старыхъ законовъ. Мы подчеркиваемъ это рѣшающее значеніе фабрикантскихъ выгодъ и фабрикантской заинтересованности не потому, чтобы это ослабляло, на нашъ взглядъ, значеніе предначертаній правительства, — напротивъ, мы уже сказали, что видимъ въ этомъ усиленіе ихъ значенія. Но пролетаріату въ его борьбѣ противъ всего современнаго строя надо прежде всего научиться смотрѣть на вещи прямо и трезво, вскрывать настоящія побудительныя причины „высокихъ государственныхъ дѣяній“ и неуклонно разоблачать тѣ лживыя напыщенныя фразы о „государственномъ смыслѣ“ и т. п., которыя ловкими полицейскими чинами выдвигаются по разсчету, а учеными либералами — по близорукости.

Далѣе г. Струве совѣтуетъ рабочимъ быть „сдержанными“ въ агитаціи за отмѣну наказаній за стачки. „Чѣмъ сдержаннѣе будетъ она (эта агитація) по формамъ, — проповѣдуетъ г. Струве, — тѣмъ больше будетъ ея значеніе“. Рабочій долженъ хорошенько отблагодарить бывшаго соціалиста за такіе совѣты. Эта традиціонная молчалинская мудрость либераловъ — проповѣдывать сдержанность именно тогда, когда правительство едва начало колебаться (по какому нибудь частному вопросу). Надо быть сдержаннѣе, чтобы не помѣшать провести начатую реформу, чтобы не запугать, чтобы использовать благопріятный моментъ, когда первый шагъ уже сдѣланъ (записка составлена!) и когда признаніе какимъ-либо вѣдомствомъ необходимости реформъ даетъ „неопровержимое (?) и для самаго правительства и для общества (!) доказательство справедливости и своевременности“ (?) этихъ реформъ. Такъ разсуждаетъ г. Струве о разбираемомъ нами проектѣ, такъ разсуждали всегда россійскіе либералы. Не такъ разсуждаетъ соціальдемократія. Смотрите, скажетъ она, — даже изъ самихъ фабрикантовъ кое-кто началъ понимать уже, что европейскія формы классовой борьбы лучше азіатскаго произвола полиціи. Даже самихъ фабрикантовъ мы заставили своей упорной борьбой усомниться въ всесиліи самодержавныхъ опричниковъ. Смѣлѣе же впередъ! Распространяйте шире пріятную вѣсть о неувѣренности въ рядахъ врага, пользуйтесь всякимъ малѣйшимъ колебаніемъ его не для молчалинскаго „сдерживанія“ своихъ требованій, а для усиленія ихъ. За счетъ того долга, который лежитъ на правительствѣ передъ народомъ, вамъ хотятъ отдать копѣйку изъ ста рублей. Пользуйтесь полученіемъ этой копѣйки, чтобы громче и громче требовать всей суммы долга, чтобы окончательно дискредитировать правительство, чтобы готовить наши силы для нанесенія ему рѣшительнаго удара.

---

## ЕЩЕ НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О ДЕБЮТИРУЮЩИХЪ ЛИБЕРАЛАХЪ.

Первое слово политическаго дебютанта интересно всегда. Первое слово либерала, слагающаго партію, интересно вдвойнѣ. Значитъ, разложеніе политическаго строя Россіи пошло далеко, если молчальникъ-либералъ прервалъ свое обычное молчаніе.

Мы живемъ въ дни великой борьбы, растущей и обостряющейся. Въ нѣдрахъ старой Россіи шевелится Россія новая. Ей тѣсно въ этихъ нѣдрахъ; ей нуженъ просторъ. Обѣимъ невмѣстно имъ жить. Старое напрягаетъ всѣ силы, чтобы раздавить это новое. Новое сбирается въ бой, клича кличъ: кто за насъ? Помогите! Врагъ силенъ, а задача громадна. Время не терпитъ. Каждый человѣкъ на счету. Нельзя молчать. Преступно быть зрителемъ. Жизнь — не циркъ, и борцы за свободу — не гладіаторы. Имъ нужна реальная помощь, не дешевое „браво“ глазѣющей публики....

И призывъ къ свободѣ услышанъ. Вѣрнѣе — онъ самъ лишь отзвукъ той бури, что скопилась въ народной груди. Россія трудящаяся, Россія обремененная, Россія всѣхъ малыхъ людей и большого страданія — бродитъ и „ставитъ своего человѣка“.

И въ это самое время раздается голосъ, именемъ либераловъ говорящій: вашъ кличъ — пустое доктринерство, призывъ въ ла

герь борьбы—напрасная претензія. Предоставьте „мирные элементы" ихъ культурной дѣятельности, которая есть также... „борьба". Зачѣмъ навязывать „умѣреннымъ" непріемлемыя средства и настроенія?

„Дѣйствовать такъ значило бы—въ угоду своимъ излюбленнымъ идеямъ или въ поблажку своему темпераменту—съужать великое освободительное движеніе, ясныя и простыя цѣли котораго должны быть доступны возможно большему числу лицъ"*).

И безъ васъ, г. Струве, борцы за свободу знаютъ, что можно требовать отъ русскаго обывателя, и чего нельзя. Путь борьбы—путь тернистый. Не всякому дано быть борцомъ. Но тому, кто провозглашаетъ себя участникомъ „національнаго освобожденія", не пристало играть словами. Нельзя, толкуя объ „общемъ дѣлѣ" „революціонеровъ и умѣренныхъ", призывая къ „единой борьбѣ", козырять—культурной работой!

Шутки прочь! Положеніе обязываетъ! Отъ человѣка, появляющагося на аренѣ политической борьбы, мы хотимъ доподлинно знать, какъ онъ думаетъ бороться. Борьба вѣдь уже кипитъ, и жертвы приносятся. Вы участвуете въ дѣлѣ „національнаго освобожденія", вы кидаете вмѣстѣ съ революціонерами „соединенный вызовъ" русскому правительству? Хорошо. Каково же ваше отношеніе къ другимъ участникамъ, въ чемъ же выражается ваше сотрудничество съ борцами революціи? Г. Струве дипломатично молчитъ. За него договариваютъ его присные. Мы, земцы,—говорятъ они—не можемъ „оставаться въ нашемъ выжидательномъ положеніи". Намъ угрожаетъ, съ одной стороны, „близорукая и неумѣлая бюрократія", съ другой—въ числѣ прочихъ бѣдъ—„общая почва классовыхъ и эгоистическихъ интересовъ", „революціонная пропаганда". „Убѣжденные сторонники порядка и законности". „противники насилія, откуда бы оно ни исходило, сверху или снизу", мы стремимся создать такую „платформу", „на которой могли бы сойтись и войти въ соглашеніе разнообразные кружки и группы, изъ которыхъ подъ двойнымъ вліяніемъ правительственной реакціи и революціонной борьбы, имѣетъ шансы сложиться русская конституціонная партія".

Другими словами: мы, пропагандисты „единой борьбы" и „соединеннаго вызова"—„въ угоду своимъ излюбленнымъ идеямъ" (какъ идея „законности"), „въ поблажку своему темпераменту" (трусости) и „эгоистическимъ интересамъ" (имущихъ классовъ)—съуживаемъ „великое освободительное движеніе" до того, что скидываемъ со счета политическихъ комбинацій и возможныхъ „соглашеній" всѣхъ тѣхъ, кто до сихъ поръ—такъ или иначе—но представлялъ собою это движеніе. Революціонная борьба и правительственная реакція, демонстрирующая толпа и насильникъ съ нагайкой въ рукѣ—явленія для насъ одинаково стороннія и чуждыя. Мы не идемъ на штурмъ, мы занимаемъ наблюдательные посты, мы ловимъ моментъ, когда растерянный взоръ непріятеля, смущеннаго бурей революціи, остановится на насъ съ ожиданіемъ. Мы уже теперь парламентерствуемъ—въ званіи выразителей „единогласнаго общественнаго мнѣнія", мы предупредительно даемъ совѣты врагу, предостерегая отъ „рискованной игры" „за счетъ верховной власти".

Такъ дебютируемъ мы—„земская политическая партія"!

„Подъ двойнымъ вліяніемъ правительственной реакціи и революціонной борьбы" появляется на свѣтъ—новѣйшее „пѣнкоснимательство".

Измѣна и лицемѣріе стоятъ у его колыбели.

Либералу-демократу не слѣдъ идти по стопамъ новой партіи.

Свобода не продается на базарѣ политическихъ сдѣлокъ. Ее надо отвоевать, заслужить борьбою.

Трудное дѣло—борьба, борьба революціонная. Но формы ея настолько многообразны, содержаніе настолько всеобъемлюще, необходимость настолько очевидна, что самый „умѣренный" демократъ найдетъ себѣ мѣсто въ ней. Онъ съумѣетъ подавить свои антипатіи и принести хоть частицу своей „умѣренности" въ жертву великой цѣли.

Русская соціалъ-демократія ждетъ. Она въ правѣ требовать поддержки въ борьбѣ, „гдѣ дѣло идетъ о достойномъ существованіи личности и націи".

*) Эта и всѣ послѣдующ. цитаты взяты изъ разн. мѣстъ №№ 1 2 „Осв."

## ИЗЪ
# НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

### „Волчья пасть и лисій хвостъ."

Намъ пишутъ изъ Петербурга, отъ 4-го августа: Я писалъ уже вамъ о „высочайшемъ нагоняѣ" земскимъ дѣятелямъ, какъ называютъ они выговоръ Николая II за участіе въ нелегальномъ земскомъ съѣздѣ.—Со словъ лица, близко стоящаго къ министерскимъ сферамъ и съ любезнаго его разрѣшенія спѣшу подѣлиться съ вами нѣкоторыми подробностями объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ этотъ выговоръ.

Удостоиться полученія „высочайшаго нагоняя" имѣли счастье далеко не всѣ земскіе дѣятели, принимавшіе участіе въ съѣздѣ. Получили его только тѣ, которые значились въ доставленномъ г. Плеве спискѣ присутствовавшихъ на одномъ изъ засѣданій съѣзда. Въ этомъ спискѣ, однако, фигурировали фамиліи такихъ извѣстныхъ земскихъ дѣятелей, какъ г. Шиповъ, предсѣдатель Московской Губ. Земской Управы и г. Стаховичъ, Орловскій губернскій предводитель дворянства. И вотъ г. фонъ-Плеве нашелъ, что для обузданія такихъ лицъ „высочайшаго нагоняя" будетъ, пожалуй, недостаточно. Правда, въ бумагахъ г. министра, въ которыхъ выражено было императорское неудовольствіе на крамольниковъ-земцевъ, неудовольствіе это было редактировано такъ „неудачно", что трудно было понять, то ли это гнѣвается царь, то ли его вѣрный министръ. Тѣмъ не менѣе, последній рѣшилъ, что для большаго устраненія „конституціоналистовъ" не худо будетъ имъ выслушать нагоняй изъ собственныхъ его высокопревосходительныхъ устъ. Шиповъ и Стаховичъ приглашаются въ Петербургъ.—Стаховичъ принятъ былъ министромъ болѣе, чѣмъ холодно. Наговоривъ предводителю дворянства много непріятныхъ вещей, которыя въ устахъ обыкновеннаго смертнаго съ полнымъ правомъ можно было бы счесть дерзостями, г. Плеве, между прочимъ, заявилъ, что онъ не представляетъ себѣ естественнымъ и законнымъ совмѣщенія въ лицѣ г. Стаховича предводителя дворянства и участника подпольныхъ совѣщаній и что въ настоящій моментъ онъ, министръ, не знаетъ еще, гдѣ будетъ находиться въ ближайшемъ будущемъ мѣстожительство его собесѣдника. Г. Стаховичъ отвѣчалъ, что онъ не считаетъ министра въ правѣ дѣлать ему, какъ предводителю, какія бы то ни было замѣчанія или выговоры и что онъ знаетъ, когда надо будетъ подать ему въ отставку, а уволенъ отъ должности онъ можетъ быть или высочайшимъ указомъ, или указомъ сената. Не смотря на столь энергичный отпоръ временщику, г. Стаховичъ покинулъ кабинетъ министра не съ видомъ побѣдителя.—Г. Шиповъ встрѣтилъ болѣе ласковый пріемъ. „Я знаю, сказалъ ему министръ, всю тяжесть положенія, въ которое поставлено въ настоящее время земство. Я придаю послѣднему важное значеніе въ жизни страны и сдѣлаю все, что отъ меня зависитъ, для того, чтобы сдѣлать земскія учрежденія менѣе зависимыми отъ мѣстныхъ правительственныхъ органовъ. Я постараюсь въ замѣнъ того приблизить ихъ къ центральнымъ учрежденіямъ имперіи и понимая важность, необходимость обмѣна мнѣній земскихъ дѣятелей по вопросамъ мѣстной дѣятельности, постараюсь въ ближайшую же сессію Государственнаго Совѣта провести законъ о періодическихъ съѣздахъ представителей губернскихъ земскихъ собраній." Г. Плеве до того увлекся своимъ либерализмомъ, что намекалъ даже на возможность установленія конституціоннаго режима, такъ что г. Шипову, не раздѣляющему конституціонныхъ воззрѣній, пришлось оспаривать министра самодержавнаго императора и указывать на болѣе „естественный" выходъ изъ тѣхъ затрудненій, которыя переживаетъ правительство, именно, на возможность возвращенія къ порядку допетровской Руси, девизомъ которой былъ самодержавный царь надъ самоуправляющейся земщиной. Не знаю, указалъ ли г. Плеве, что г. Шиповъ забылъ упомянуть о необходимой спутницѣ самодержавнаго царя, о разнузданной опричнинѣ, однимъ изъ достойныхъ представителей коей онъ имѣетъ честь состоять. Знаю только, что либеральный палачъ въ заключеніе бесѣды упомянулъ и о трудности своего положенія. „Таковы мои планы, сказалъ онъ, но осуществить ихъ я могу при условіи, если земство не будетъ мнѣ ставить препятствій неумѣстной и вредной для дѣла фрондой. Я не самодержецъ и мнѣ приходится работать въ сотрудничествѣ такихъ дѣятелей, какъ С. Ю. Витте. Я глубоко уважаю Серг. Юл. Онъ обладаетъ яснымъ государственнымъ умомъ и несокрушимой, не знающей устали энергіей. Но вы знаете его предубѣжденіе противъ земства. Вы знаете его взглядъ, что для блага Россіи необходимо широкое развитіе земскихъ учрежденій, но что для блага самодержавія необходимо упраздненіе земства. Нелегальные земскіе съѣзды, въ родѣ московскаго, будутъ лить воду не на мою мельницу..."

Г. Плеве ошибся, однако: С. Ю. Витте успѣлъ уже измѣнить свои взгляды, изложенные въ извѣстной секретной запискѣ его „Самодержавіе и земство". С. Ю. Витте также не прочь сдѣлаться либераломъ. „Я всей душой сочувствую земскимъ начинаніямъ, говорилъ онъ въ бесѣдѣ съ кн. Долгоруковымъ, вызваннымъ въ Петербургъ также для полученія репримаида. Я понимаю, что покрой вашъ уѣздъ сѣтью желѣзныхъ дорогъ, телеграфовъ, дай вамъ еще тысячу чиновниковъ министерства финансовъ,—эти мѣры, если не будетъ обезпечено надлежащихъ условій для развитія самодѣятельности населенія, будутъ безполезны для его благосостоянія."

Пріятные разговоры, которые велъ Плеве съ Шиповымъ не помѣшали министру закатить жесточайшій разносъ Суджанскому предводителю дворянства Евреинову, который вмѣстѣ съ предсѣдателемъ Суджанской уѣзд. земск. управы кн. Долгоруковымъ были вызваны Департаментомъ Полиціи для объясненія относительно участія ихъ въ составленіи программы Суджанскаго Уѣзднаго Комитета о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности. Либеральная программа Комитета, опубликованная въ легальной прессѣ, сильно обезпокоила правящія сферы, внушивъ имъ тревогу, какъ бы въ центрѣ предстоящихъ въ присутствіи царя Курскихъ маневровъ не вспыхнула революція.

„Какъ вы могли, кричалъ Плеве на г. Евреинова, такъ дерзко истолковать Высочайшую волю о созывѣ особаго совѣщанія, такъ грубо выйти изъ предначертанной Комитету программы! Чего только не нагородили вы въ своей программѣ. Этакъ вы скоро признаете, что для пользы сельскаго хозяйства необходи[illegible] въ высшихъ должностныхъ лицъ имперіи!" — [illegible] [illegible]ся перекричать министра г. Евреиновъ, но не [illegible], красный отъ гнѣва на грубые окрики, выслушалъ до [illegible] разносъ. Вмѣстѣ съ Евреиновымъ и кн. Долгоруковымъ въ Петербургъ по тому же поводу былъ вызванъ для объясненія Суджанскій податной инспекторъ г. Пустовитовъ. Послѣдній послѣ допроса, учиненнаго ему г. Витте, былъ допрошенъ г. Плеве. Кричалъ ли послѣдній на него также, какъ на Стаховича и Евреинова, свѣдѣній не имѣю, такъ какъ лицо, со словъ котораго передаю все вышеизложенное, подъ конецъ бесѣды устыдившись, очевидно, распущенности г.г. министровъ, поспѣшило разговоръ прекратить.

Во избѣжаніе возможныхъ нареканій, въ заключеніе считаю долгомъ оговориться, что приведенныя мною рѣчи г.г. Плеве и Витте не представляютъ, конечно, дословнаго воспроизведенія ихъ бесѣдъ съ земскими дѣятелями. Но за что я могу поручиться — это за подлинность самаго смысла рѣчей и за нѣкоторую близость ихъ формы къ той, въ которой они были выражены авторами.

Если судить по тому, что было сказано г.г. министрами, настроеніе ихъ находится въ періодѣ измѣненія. Измѣняется, повидимому, настроеніе и ихъ державнаго хозяина. Авторитетъ К. П. Побѣдоносцева нѣсколько упалъ въ глазахъ Николая II. Его мѣсто какъ бы не занялъ.... князь Мещерскій. Говорятъ, издатель Гражданина, да какой-то чехъ-спиритъ Филиппъ въ настоящее время наиболѣе близки къ государю. Ника-Милуша спитъ и видитъ этого Филиппа. Растерявшись подъ натискомъ извѣстій о признакахъ надвигающейся революціи, Николай, чтобы предотвратить опасность, ничего лучшаго не придумалъ, какъ прибѣгнуть къ... спиритизму*) и проводитъ дни и ночи за столовѣрченіемъ, вызывая духъ возлюбленнаго родителя. И вотъ, что духъ Александра III ему ни скажетъ, то Николай и сдѣлаетъ. Въ семъ полезномъ занятіи Николаю помогаютъ вышенареченный Филиппъ (медіумъ), императрица мать и Александра Өедоровна... Бѣдный Ника!... Д-ръ правъ.

---

Возмутительная исторія на ст. Тихорѣцкой, о которой нашъ корреспондентъ сообщилъ въ № 22 „Искры", продолжаетъ занимать легальную печать. Послѣ того, какъ „Пет. Вѣд." и другія газеты сообщили подробности этой исторіи, появилось оффиціальное опроверженіе, исходящее отъ судебныхъ властей. Въ опроверженіи заявляется, что Золотова (имя несчастной дѣвушки) была арестована по подозрѣнію въ кражѣ, что она никакимъ истязаніямъ и насиліямъ не подвергалась и неизвѣстно по какой причинѣ отравилась послѣ того, какъ первой ея попыткѣ покончить съ собой въ первый же день ареста успѣли во время помѣшать. Судебный слѣдователь Пуссепъ ни въ чемъ предосудительномъ не уличенъ произведеннымъ слѣдствіемъ.

А, между тѣмъ, легальныя газеты продолжаютъ говорить о „темной" исторіи въ Тихорѣцкой и совершенно не обращаютъ вниманія на оффиціальное опроверженіе. Вотъ до чего дошло русское правительство: его заявленія въ защиту дѣйствій чиновниковъ не внушаютъ уже никому никакого довѣрія. Столичныя и провинціальныя газеты продолжаютъ вѣрить въ то, что на ст. Тихорѣцкой были совершены гнусныя преступленія служителями царскаго правосудія и полицейскими.

Но если общество не считается съ заявленіемъ правительства, то и правительство не считается съ мнѣніемъ общества. Въ то время, какъ всеобщее возмущеніе требуетъ наказанія негодяевъ, изнасиловавшихъ и убившихъ Золотову, власти сообщаютъ, что производится слѣдствіе для обнаруженія виновниковъ... тѣхъ безпорядковъ, которые произвели герои-рабочіе, услыхавъ о томъ, что случилось въ арестантской камерѣ. „Правосудіе" намѣрено обрушиться не на головы преступниковъ, а на головы тѣхъ, кто посмѣлъ мужественно выразить протестъ противъ преступленія.

Русская публика не такъ давно горячо рукоплескала тѣмъ французамъ, которые смѣло боролись противъ преступленій, совершенныхъ французскими властями и судьями въ дѣлѣ Дрейфуса. Хватитъ ли у общества рѣшимости поддержать тѣхъ, кто выступилъ противъ преступленій подчиненныхъ гг. Муравьева и Плеве?

### Интеллигенты и розга.

По поводу корреспонденціи изъ Воронежа въ № 21 „Искры" намъ пишутъ:

„Во всемъ этомъ сообщеніи кроется какое-то недоразумѣніе; никакого вмѣшательства со стороны офицера въ дѣло жестокой расправы съ крестьянами гражданскихъ чиновъ не было, да и не могло быть, такъ какъ войска въ подобныхъ случаяхъ присутствуютъ только какъ стража, на случай безпорядковъ, вполнѣ подчиняются гражданской власти и никакого активнаго участія въ позорномъ и жестокомъ наказаніи не принимаютъ. Военные врачи также не имѣютъ никакого права вмѣшиваться въ дѣйствія „гражданскихъ властей", такъ какъ этимъ они нарушаютъ дисциплину и всегда получаютъ въ отвѣтъ на свое

*) Мы слышали, что „Ника" намѣренъ пригласить на свои сеансы нашего извѣстнаго специалиста по „загробнымъ" вопросамъ, г-на Бердяева. (Ред.)

---

### РЕВОЛЮЦІОННЫЙ АВАНТЮРИЗМЪ.

Отношеніе соц.-рев. къ крестьянскому движенію представляетъ особый интересъ. Именно въ аграрномъ вопросѣ всегда считали себя особенно сильными и представители стараго русскаго

Весь современный соціализмъ, начиная съ Ком. Манифеста, покоится на той несомнѣнной истинѣ, что единственнымъ дѣйствительно революціоннымъ классомъ капиталистическаго общества является пролетаріатъ. Остальные классы могутъ быть и бываютъ революціонны лишь отчасти и лишь при [illegible]

ресы удовлетворены". Этотъ старый предразсудокъ, будто интересы русской буржуазіи настолько уже удовлетворены, что у насъ нѣтъ и быть не можетъ буржуазной демократіи (ср. В. Р. Р. № 2 с. 132-3), составляетъ теперь общее достояніе экономистовъ

ные посты, мы ловимъ моментъ, когда растерянный взоръ непріятеля, смущеннаго бурей революціи, остановится на насъ съ ожиданіемъ. Мы уже теперь парламентерствуемъ — въ званіи выразителей „единогласнаго общественнаго мнѣнія", мы предупредительно даемъ совѣты врагу, предостерегая отъ „рискованной игры" „за счетъ верховной власти".

Такъ дебютируемъ мы — „земская политическая партія"!

„Подъ двойнымъ вліяніемъ правительственной реакціи и революціонной борьбы" появляется на свѣтъ — новѣйшее „пѣнкоснимательство".

Измѣна и лицемѣріе стоятъ у его колыбели.

Либералу-демократу не слѣдъ идти по стопамъ новой партіи.

Свобода не продается на базарѣ политическихъ сдѣлокъ. Ее надо отвоевать, заслужить борьбою.

Трудное дѣло — борьба, борьба революціонная. Но формы ея настолько многообразны, содержаніе настолько всеобъемлюще, необходимость настолько очевидна, что самый „умѣренный" демократъ найдетъ себѣ мѣсто въ ней. Онъ съумѣетъ подавить свои антипатіи и принести хоть частицу своей „умѣренности" въ жертву великой цѣли.

Русская соціальдемократія ждетъ. Она въ правѣ требовать поддержки въ борьбѣ, „гдѣ дѣло идетъ о достойномъ существованіи личности и націи".

## ИЗЪ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

### „Волчья пасть и лисій хвостъ."

Намъ пишутъ изъ Петербурга, отъ 4-го августа: я писалъ уже вамъ о „высочайшемъ нагонѣ" земскимъ дѣятелямъ, какъ называютъ они выговоръ Николая II за участіе въ нелегальномъ земскомъ съѣздѣ. — Со словъ лица, близко стоящаго къ министерскимъ сферамъ и съ любезнаго его разрѣшенія спѣшу подѣлиться съ вами нѣкоторыми подробностями объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ этотъ выговоръ.

Удостоиться полученія „высочайшаго нагоняя" имѣли счастье далеко не всѣ земскіе дѣятели, принимавшіе участіе въ съѣздѣ. Получили его только тѣ, которые значились въ доставленномъ г. Плеве спискѣ присутствовавшихъ на одномъ изъ засѣданій съѣзда. Въ этомъ спискѣ, однако, фигурировали фамиліи такихъ извѣстныхъ земскихъ дѣятелей, какъ г. Шиповъ, предсѣдатель Московской Губ. Земской Управы и г. Стаховичъ, Орловскій

*) Эта и всѣ послѣдующ. цитаты взяты изъ разн. мѣстъ №№ 12 „Осв."

самодержавнаго царя, о разнузданной опричнинѣ, однимъ изъ достойныхъ представителей коей онъ имѣетъ честь состоять. Знаю только, что либеральный палачъ въ заключеніе бесѣды упомянулъ и о трудности своего положенія. „Таковы мои планы, сказалъ онъ, но осуществить ихъ я могу при условіи, если земство не будетъ мнѣ ставить препятствій неумѣстной и вредной для дѣла фрондой. Я не самодержецъ и мнѣ приходится работать въ сотрудничествѣ такихъ дѣятелей, какъ С. Ю. Витте. Я глубоко уважаю Серг. Юл. Онъ обладаетъ яснымъ государственнымъ умомъ и несокрушимой, не знающей устали энергіей. Но вы знаете его предубѣжденіе противъ земства. Вы знаете его взглядъ, что для блага Россіи необходимо широкое развитіе земскихъ учрежденій, но что для блага самодержавія необходимо упраздненіе земства. Нелегальные земскіе съѣзды, въ родѣ московскаго, будутъ лить воду не на мою мельницу..."

Г. Плеве ошибся, однако: С. Ю. Витте успѣлъ уже измѣнить свои взгляды, изложенные въ извѣстной секретной запискѣ его „Самодержавіе и земство". С. Ю. Витте также не прочь сдѣлаться либераломъ. „Я всей душой сочувствую земскимъ начинаніямъ, говорилъ онъ въ бесѣдѣ съ кн. Долгоруковымъ, вызваннымъ въ Петербургъ также для полученія репримранда. Я понимаю, что покрой вашъ уѣздъ сѣтью желѣзныхъ дорогъ, телеграфовъ, дай вамъ еще тысячу чиновниковъ министерства финансовъ, — эти мѣры, если не будетъ обезпечено надлежащихъ условій для развитія самодѣятельности населенія, будутъ безполезны для его благосостоянія."

Пріятные разговоры, которые велъ Плеве съ Шиповымъ не помѣшали министру закатить жесточайшій разносъ Суджанскому предводителю дворянства Евреинову, который вмѣстѣ съ предсѣдателемъ Суджанской уѣзд. земск. управы кн. Долгоруковымъ были вызваны Департаментомъ Полиціи для объясненія относительно участія ихъ въ составленіи программы Суджанскаго Уѣзднаго Комитета о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности. Либеральная программа Комитета, опубликованная въ легальной прессѣ, сильно обезпокоила правящія сферы, внушивъ имъ тревогу, какъ бы въ центрѣ предстоящихъ въ присутствіи царя Курскихъ маневровъ не вспыхнула революція.

„Какъ вы могли, кричалъ Плеве на г. Евреинова, такъ дерзко истолковать Высочайшую волю о созывѣ особаго совѣщанія, такъ грубо выйти изъ предначертанной Комитету программы! Чего только не нагородили вы въ своей программѣ. Этакъ вы скоро признаете, что для пользы сельскаго хозяйства необходи-

предосудительномъ не уличенъ произведеннымъ слѣдствіемъ.

А, между тѣмъ, легальныя газеты продолжаютъ говорить о „темной" исторіи въ Тихорѣцкой и совершенно не обращаютъ вниманія на оффиціальное опроверженіе. Вотъ до чего дошло русское правительство: его заявленія въ защиту дѣйствій чиновниковъ не внушаютъ уже никому никакого довѣрія. Столичныя и провинціальныя газеты продолжаютъ вѣрить въ то, что на ст. Тихорѣцкой были совершены гнусныя преступленія служителями царскаго правосудія и полицейскими.

Но если общество не считается съ заявленіемъ правительства, то и правительство не считается съ мнѣніемъ общества. Въ то время, какъ всеобщее возмущеніе требуетъ наказанія негодяевъ, изнасиловавшихъ и убившихъ Золотову, власти сообщаютъ, что производится слѣдствіе для обнаруженія виновниковъ... тѣхъ безпорядковъ, которые произвели герои-рабочіе, услыхавъ о томъ, что случилось въ арестантской камерѣ. „Правосудіе" намѣрено обрушиться не на головы преступниковъ, а на головы тѣхъ, кто посмѣлъ мужественно выразить протестъ противъ преступленія.

Русская публика не такъ давно горячо рукоплескала тѣмъ французамъ, которые смѣло боролись противъ преступленій, совершенныхъ французскими властями и судьями въ дѣлѣ Дрейфуса. Хватитъ ли у общества рѣшимости поддержать тѣхъ, кто выступилъ противъ преступленій подчиненныхъ гг. Муравьева и Плеве?

---

### Интеллигенты и розга.

По поводу корреспонденціи изъ Воронежа въ № 21 „Искры" намъ пишутъ:

„Во всемъ этомъ сообщеніи кроется какое-то недоразумѣніе: никакого вмѣшательства со стороны офицера въ дѣло жестокой расправы съ крестьянами гражданскихъ чиновъ не было, да и не могло быть, такъ какъ войска въ подобныхъ случаяхъ присутствуютъ только какъ стража, на случай безпорядковъ, вполнѣ подчиняются гражданской власти и никакого активнаго участія въ позорномъ и жестокомъ наказаніи не принимаютъ. Военные врачи также не имѣютъ никакого права вмѣшиваться въ дѣйствія „гражданскихъ властей", такъ какъ этимъ они нарушаютъ дисциплину и всегда получаютъ въ отвѣтъ на свое

*) Мы слышали, что „Ника" намѣренъ пригласить на свои сеансы нашего извѣстнаго специалиста по „загробнымъ" вопросамъ, г-на Бердяева. (Ред.)

---

## РЕВОЛЮЦІОННЫЙ АВАНТЮРИЗМЪ.

Отношеніе соц.-рев. къ крестьянскому движенію представляетъ особый интересъ. Именно въ аграрномъ вопросѣ всегда считали себя особенно сильными и представители стараго русскаго соціализма, и ихъ либерально-народническіе наслѣдники, и тѣ многочисленные въ Россіи сторонники оппортунистической критики, которые крикливо увѣряютъ, что въ этомъ пунктѣ марксизмъ уже окончательно сбитъ съ позицій „критикой". И наши соц.-рев. разносятъ марксизмъ, что называется, на всѣ корки: „догматическіе предразсудки... изжитые, давно разбитые жизнью догматы... революціонная интеллигенція закрыла глаза на деревню, революціонная работа въ крестьянствѣ запрещалась ортодоксіей" и мн. т. п. Это нынче въ модѣ — лягать ортодоксію. Но къ какому подвиду надо отнести тѣхъ изъ числа лягающихъ, которые до начала движенія въ крестьянствѣ не успѣли даже намѣтить своей собственной аграрной программы? Когда Искра еще въ № 3 обрисовала свою аграрную программу, Вѣстн. Р. Рев. только и нашелся пробормотать: „при такой постановкѣ вопроса значительно стушевывается еще одно изъ нашихъ разногласій," причемъ съ редакціей В. Р. Р. случилось то маленькое несчастье, что именно постановки вопроса Искрой („внесеніе классовой борьбы въ деревню") она абсолютно не поняла. Теперь Рев. Россія ссылается заднимъ числомъ на брошюру „Очередной вопросъ", хотя программы и тамъ никакой нѣтъ, а есть лишь превознесеніе такихъ „знаменитыхъ" оппортунистовъ, какъ Гертцъ.

И вотъ эти-то люди, которые до начала движенія были согласны и съ Искрой и съ Гертцемъ, — на другой день послѣ крестьянскаго возстанія выступаютъ съ манифестомъ „отъ крестьянскаго союза(!) партіи соц.-рев.", причемъ въ этомъ манифестѣ вы не найдете ни одного звука, исходящаго дѣйствительно отъ крестьянина, вы встрѣтите только дословное повтореніе того, что вы сотни разъ читали у народниковъ, либераловъ и „критиковъ".... Говорятъ, что смѣлость города беретъ. Это такъ, господа с.-р., но не о такой смѣлости свидѣтельствуетъ грубо размалеванная реклама.

Мы видѣли, что главное „преимущество" с.-р. состоитъ въ свободѣ отъ теоріи, главное искусство ихъ — умѣнье говорить, чтобы ничего не сказать. Но чтобы дать программу, надо какъ-никакъ высказаться. Надо, напр, выкинуть за бортъ „догматъ русскихъ с. д. конца 80-хъ и начала 90-хъ гг. о томъ, что нѣтъ революціонной силы, кромѣ городского пролетаріата". Какое это удобное словечко: „догматъ"! Достаточно извратить слегка враждебную теорію, прикрыть это извращеніе жупеломъ „догмата" — и готово дѣло!

Весь современный соціализмъ, начиная съ Ком. Манифеста, покоится на той несомнѣнной истинѣ, что единственнымъ дѣйствительно революціоннымъ классомъ капиталистическаго общества является пролетаріатъ. Остальные классы могутъ быть и бываютъ революціонны лишь отчасти и лишь при извѣстныхъ условіяхъ. Спрашивается, что же надо думать о людяхъ, которые „превратили" эту истину въ догматъ русскихъ с.-д. опредѣленной эпохи и пытаются увѣрить наивнаго читателя, будто этотъ догматъ былъ „всецѣло основанъ на вѣрѣ въ отдаленность открытой политической борьбы"?

Противъ ученія Маркса о единственномъ дѣйствительно революціонномъ классѣ современнаго общества с.-р. выдвигаютъ троицу: „интеллигенція, пролетаріатъ и крестьянство", обнаруживая этимъ безнадежную путаницу понятій. Если вы противополагаете интеллигенцію пролетаріату и крестьянству, — значитъ, вы понимаете подъ ней извѣстный соціальный слой, группу лицъ, занимающихъ такую же опредѣленную соціальную позицію, какъ опредѣленна соціальная позиція наемныхъ рабочихъ и крестьянъ. Но въ качествѣ таковаго слоя русская интеллигенція является именно буржуазной и мелкобуржуазной интеллигенціей. По отношенію къ этому слою вполнѣ правъ г. Струве, называющій свой органъ органомъ русской интеллигенціи. Если же вы говорите о тѣхъ интеллигентахъ, которые еще не заняли никакой опредѣленной соціальной позиціи или уже выбиты жизнью со своей нормальной позиціи и переходятъ на сторону пролетаріата, — то тогда совершенно нелѣпо противопоставлять эту интеллигенцію пролетаріату. Какъ и всякій другой классъ современнаго общества, пролетаріатъ не только вырабатываетъ свою собственную интеллигенцію, но и беретъ себѣ также сторонниковъ изъ числа всѣхъ и всякихъ образованныхъ людей. Походъ с.-р. противъ основного „догмата" марксизма лишній разъ доказываетъ только, что всю силу этой партіи представляетъ та кучка русскихъ интеллигентовъ, которые отъ стараго отстали, а къ новому не пристали.

Что касается до крестьянства, то о немъ сужденія с.-р. еще болѣе сбивчивы. Чего стоитъ уже одна постановка вопроса: „какіе общественные классы вообще (!) всегда (!!) держатся за существующій... (самодержавный только? или вообще буржуазный?)... порядокъ, охраняютъ его и не поддаются революціонизированію?" Собственно говоря, на этотъ вопросъ только и можно отвѣтить вопросомъ: какіе элементы интеллигенціи вообще всегда держатся за существующій хаосъ идей, охраняютъ его и не поддаются опредѣленному соціалистическому міровоззрѣнію? Но с.-р. на несерьезный вопросъ хотятъ дать серьезный отвѣтъ. Они относятъ къ „этимъ" классамъ, во 1-хъ, буржуазію, ибо ея интересы удовлетворены". Этотъ старый предразсудокъ, будто интересы русской буржуазіи настолько уже удовлетворены, что у насъ нѣтъ и быть не можетъ буржуазной демократіи (ср. В. Р. Р. № 2 с. 132-3), составляетъ теперь общее достояніе экономистовъ и с.-р. Еще разъ: не научитъ-ли ихъ уму-разуму г. Струве?

Во 2-хъ, с.-р. относятъ къ этимъ классамъ „мелкобуржуазные слои", „интересы коихъ индивидуалистичны, не опредѣлены какъ классовые и не формулируются въ реформаторскую или революціонную соціально-политическую программу". Откуда сіе, Аллахъ вѣдаетъ. Что мелкая буржуазія не только не охраняетъ вообще и всегда существующій порядокъ, а, напротивъ, нерѣдко выступаетъ революціонной даже противъ буржуазіи (именно: когда примыкаетъ къ пролетаріату), очень часто — противъ абсолютизма и почти всегда формулируетъ соціально-реформаторскія программы, это извѣстно всѣмъ и каждому. Нашъ авторъ просто сболтнулъ „пошумнѣе" противъ мелкой буржуазіи, слѣдуя тому „житейскому правилу", которое въ одномъ изъ своихъ „Стихотвореній въ прозѣ" излагалъ „со словъ „стараго пройдохи", Тургеневъ: кричать погромче противъ тѣхъ пороковъ, которые за собой чувствуешь. И вотъ: такъ какъ с.-р. чувствуютъ, что единственнымъ соціальнымъ базисомъ ихъ позиціи между двухъ стульевъ могутъ быть развѣ лишь нѣкоторые мелкобуржуазные слои интеллигенціи, — поэтому они пишутъ о мелкой буржуазіи такъ, будто этотъ терминъ означаетъ не соціальную категорію, а просто полемическій оборотъ рѣчи. Имъ хочется также обойти тотъ непріятный пунктъ, что они не понимаютъ принадлежности современнаго крестьянства, какъ цѣлаго, къ „мелкобуржуазнымъ слоямъ". Не попробуете ли вы дать намъ отвѣтъ по этому пункту, гг. с.-р.? Не скажете ли вы намъ, почему это, повторяя обрывки теорій русскаго марксизма (напр., о прогрессивномъ значеніи крестьянскаго отхода и бродяжничества), вы закрываете глаза на то, что тотъ же марксизмъ доказалъ мелкобуржуазный укладъ русскаго крестьянскаго хозяйства? Не разъясните ли вы намъ, какъ это могутъ „собственники или полусобственники" въ современномъ обществѣ не относиться къ мелкобуржуазнымъ слоямъ?

Нѣтъ, не надѣйтесь! с.-р. не отвѣтятъ, не скажутъ и не разъяснятъ ничего по существу, ибо они (опять таки подобно экономистамъ) твердо усвоили тактику сказываться по части теоріи въ нѣтяхъ. Рев. Россія киваетъ на В. Р. Р. — это де, ихъ дѣло (ср. № 4, отвѣтъ Зарѣ), а В. Р. Р. разсказываетъ читателю о подвигахъ оппортунистической критики и все грозится, грозится и грозится еще пуще критику навести. Маловато это, господа!

вмѣшательство: „Это васъ не касается, вы состоите при войскахъ и выскажете свое мнѣніе, когда у васъ его спросятъ". Когда трое изъ подлежавшихъ наказанію крестьянъ заявили о своей болѣзни, врачъ Чериковеръ, осмотрѣвъ ихъ, заявилъ, что находитъ наказаніе опаснымъ для жизни несчастныхъ и послѣдніе были пощажены. Такимъ образомъ, сообщенное въ корреспонденціи не вѣрно и факты искажены. Обращая вниманіе гг. корреспондентовъ „Искры" на это печальное „недоразумѣніе", изъ-за котораго страдаетъ доброе имя ни въ чемъ неповинныхъ людей, мы подчеркиваемъ необходимость, какъ можно тщательнѣе, провѣрить факты и въ качествѣ таковыхъ сообщать только то, что безусловно вѣрно.

Читатель „Искры".

Отъ редакціи. Вполнѣ присоединяясь къ пожеланію автора письма, чтобы корреспонденты тщательно провѣряли сообщаемыя ими свѣдѣнія, мы полагаемъ, что въ данномъ случаѣ суть дѣла была передана корреспондентомъ вѣрно. Авторъ письма отрицаетъ инцидентъ съ офицеромъ, просившимъ освидѣтельствовать всѣхъ крестьянъ, и съ врачемъ Чериковеромъ, заявившимъ, что по закону этого не требуется. Но это только мелкая подробность. Послѣ разъясненія оказывается, во 1-хъ, что осмотрѣны передъ экзекуціей всего трое крестьянъ, которые объ этомъ просили сами и во 2-хъ, что врачъ Чериковеръ просилъ и добился пощады только этихъ трехъ крестьянъ. Радуемся за трехъ крестьянъ освободившихся отъ мученій и позора, но скорбимъ, что „доброе имя" такого „ни въ чемъ неповиннаго человѣка", какъ г. Чериковеръ, остается не возстановленнымъ, ибо фактъ его соучастія въ мучительствѣ и позореніи остальныхъ крестьянъ не опровергнутъ.

Да, въ соучастіи! Городовой Алексѣй Кошелевъ (см. корресп.) „упорно отказывался отъ возлагаемаго на него порученія" сѣчь крестьянъ и „даже плакалъ", а „интеллигентъ", врачъ молча (въ лучшемъ случаѣ) присутствовалъ при жертвоприношеніи на алтарь русскаго Бога, бога стократъ проклятой розги. Бываютъ преступленія, предотвратить которыя не по силамъ одному человѣку, но и въ этомъ случаѣ на порядочномъ человѣкѣ лежитъ нравственный долгъ протестовать въ одиночку. Между жрецами розги и гражданами не должно быть ничего общаго и тотъ, кто имѣетъ печальное „мужество" безъ протеста присутствовать при видѣ наглаго торжества человѣка-звѣря, тотъ долженъ знать, что его имя будетъ поставлено рядомъ съ именами Хвостовыхъ, Клокачевыхъ и другихъ оберъ экзекуторовъ!

Между виленскимъ врачемъ Михайловымъ, опредѣлявшимъ число ударовъ, которые могутъ вынести рабочіе-демонстранты, и тѣми военными врачами (и офицерами вообще), которые присутствуютъ при экзекуціяхъ въ деревнѣ, нѣтъ большой разницы. Всѣхъ ихъ мы будемъ пригвождать къ позорному столбу, всѣхъ отдаемъ на судъ народа и просимъ читателей присылать для опубликованія, для посрамленія имена всѣхъ „молчаливыхъ" сообщниковъ царскихъ палачей.

Боимся, что автору письма такъ и не удалось „умыть руки" врача Чериковера. Бѣдная леди Макбетъ! Бѣдный врачъ Чериковеръ! Мужицкая кровь не отмывается съ бѣлыхъ рукъ....

## Изъ секретныхъ документовъ.

Секретно.

Копія отношенія Начальника Тамбово-Уральскаго Жандармскаго Полицейскаго Управленія желѣзныхъ дорогъ г. Управляющему дорогою отъ 21-го іюня 1902 г. за № 115.

До свѣдѣнія моего дошло, что служащіе на Рязанско-Уральской желѣзной дорогѣ, находя въ районѣ желѣзной дороги различнаго рода воззванія, прокламаціи и т. п. изданія преступнаго содержанія, не передаютъ таковыя немедленно, какъ бы то слѣдовало, чинамъ ввѣреннаго мнѣ Управленія, а представляютъ въ порядкѣ подчиненности начальствующимъ надъ ними лицамъ до начальниковъ службъ включительно, при чемъ прокламаціи и воззванія эти представляются не секретно, а свободно прочитываются въ конторахъ службъ и затѣмъ часто затериваются или уничтожаются.

Находя такой порядокъ совершенно неудобнымъ во многихъ отношеніяхъ, честь имѣю покорнѣйше просить васъ, Милостивый Государь, не отказать сдѣлать распоряженіе, чтобы служащіе на желѣзной дорогѣ лица, находя или получая прокламаціи и воззванія преступнаго содержанія, немедленно передавали таковыя чинамъ ввѣреннаго мнѣ Управленія.

Подлинное съ надлежащей подписью.

Съ подлиннымъ вѣрно: Правитель Дѣлъ

В. Шиховъ.

## Встревоженный помпадуръ.

Предписаніе, разосланное 17-го іюля 1902 г. Нижегородскимъ губернаторомъ всѣмъ земскимъ начальникамъ губерніи.

„Имѣя въ виду, что враги отечества, наводняющіе имперію, успѣли проникнуть и во ввѣренную мнѣ Нижегородскую губернію, предписываю немедленно объѣхать всѣ волости, призывая самихъ крестьянъ на борьбу съ этими врагами, такъ какъ полиція и жандармы слишкомъ малочисленны и безсильны; а потому заставить крестьянъ захватывать всѣхъ проходимцевъ, раздающихъ вредныя книжки, листки и газеты, и представлять ихъ немедленно мнѣ, при чемъ внушить крестьянамъ, что они строго отвѣтятъ, если впослѣдствіи окажется, что такіе люди проходили черезъ ихъ селенія и не были ими задержаны. Надѣюсь, что среди крестьянъ много найдется сторонниковъ порядка и благополучія и что они окажутъ содѣйствіе другъ другу въ смыслѣ лучшаго исполненія предписанія начальства".

Подписалъ губернаторъ Генералъ Лейтенантъ Унтербергеръ.

Земскіе начальники Макарьевскаго уѣзда Нижегородской губ. получили на дняхъ такую телеграмму изъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ:

„Немедленно отобрать свѣдѣнія о слухахъ, какіе ходятъ среди крестьянъ о надѣлѣ ихъ землей".

Пермь. Купецъ Мѣшковъ, арестованный 6-го февраля (см. № 19 „Искры") былъ черезъ нѣсколько дней, послѣ того какъ онъ внесъ 10 тысячъ руб. залога, выпущенъ. Арестованный 1-го февраля, благодаря проискамъ и доносу инженеровъ Мотовилихинскаго пушечнаго завода и черезъ 5 дней выпущенный, Помощ. Присяж. Пов. В. Н. Трапезниковъ, былъ 12-го февр. вновь арестованъ и находится до сихъ поръ въ тюрьмѣ. Одновременно съ обыскомъ и арестомъ въ первый и второй разъ у Трапезникова былъ произведенъ тщательный обыскъ въ редакціи газеты „Пермскій Край", въ которой Трапезниковъ былъ однимъ изъ главныхъ сотрудниковъ. Также былъ произведенъ обыскъ въ типографіи, гдѣ эта газета печатается.

Арестъ Трапезникова вызвалъ безграничную радость и ликованіе среди мѣстныхъ представителей бюрократіи и капитала.

Реакціонная газета „Уралъ" съ нескрываемой радостью поспѣшила возвѣстить міру, что наконецъ-то Трапезниковъ (онъ же, какъ подозрѣвала газета, писавшій подъ псевдонимомъ Всев. Мірскаго), находится въ вѣрномъ и крѣпкомъ, по выраженію газеты, „футлярѣ". Не скрывали своей радости и г.г. инженеры пушечнаго завода, самодурство, произволъ и держимордовскія наклонности которыхъ по отношенію рабочихъ неоднократно разоблачались на страницахъ „Пермскаго Края".

Пермь. Однимъ казеннымъ заводомъ Пермскаго уѣзда получена отъ окружного инженера секретная бумага, въ которой предлагается управляющему сообщить подробныя свѣдѣнія о числѣ евреевъ, занятыхъ на заводѣ работами, характеромъ ихъ должностей и проч. Не предполагая исключительности этого завода, думаемъ, что подобныя бумаги разосланы на всѣ Уральскіе заводы. Къ сожалѣнію, намъ не представилось возможнымъ скопировать означенный циркуляръ; въ случаѣ, если такая возможность представится, не замедлимъ прислать копію.

Циркуляръ этотъ полученъ спустя нѣкоторое время послѣ грандіозной стачки на Воткинскомъ казенномъ заводѣ, Вятской губ., во главѣ движенія стоялъ молодой еврей, 18 лѣтъ. Думаемъ, что между этимъ фактомъ и разсылкой циркуляра есть причинная связь.

## Изъ губернаторскихъ нравовъ.

### I „Клинъ" въ Могилевъ ѣдетъ!

Товарищъ прокурора виленскаго окружного суда; полицмейстеръ Вильны — благодаря женитьбѣ на содержанкѣ своего шефа — виленскаго ген.-губернатора Троцкаго; герой извѣстной исторіи насильственнаго закрытія костела въ Крожахъ Ковенской губ., сопровождавшагося варварской бойней; вятскій губернаторъ, отличившійся борьбой съ голодающими, вытравленіемъ всѣхъ свободныхъ элементовъ изъ земства — задушеніе единственной вятской газеты „Вятскій Край" — такова карьера и главные подвиги вятскаго губ. Клингенберга, переведеннаго въ награду сначала во Владиміръ, а теперь — въ Могилевъ.

Мерзавецъ, пьяница и развратникъ онъ давилъ постоянно, систематично, съ циничнымъ презрѣніемъ къ подданнымъ Его Величества. Цѣль его правленія была — вытравить изъ обывателя даже мечту о свободномъ вздохѣ.

Цинизмъ его доходилъ до того, что, обезличивъ Вятское губ. земское собраніе введеніемъ туда своихъ клевретовъ и вытравивъ всѣ свободные элементы, онъ рѣшился похвалить его: я радъ, что теперешній составъ собранія стоитъ на высотѣ своего призванія: раньше (при Батуевѣ!) больше говорили, теперь — больше дѣлаютъ!

Въ 1898 г. онъ сажалъ подъ арестъ старшинъ, сообщавшихъ о голодѣ.

Въ 1901 г. онъ издалъ извѣстный циркуляръ къ крестьянамъ, чтобы они голодали „своими средствами", не надѣясь на поддержку правительства: задача послѣдняго — собирать подати, а вовсе не кормить своихъ плательщиковъ!

Тогда же въ іюлѣ онъ совершилъ поѣздку по губерніи для выясненія размѣровъ недорода. Въ одномъ селѣ его встрѣтили крестьяне съ хлѣбомъ солью.

Ну, на долго-ли у васъ хлѣба хватитъ? спросилъ Клинъ. Да до Новаго года можетъ хватитъ, а тамъ ужъ не знаемъ какъ, былъ отвѣтъ. А! до Новаго года хватитъ, ну, очень радъ, что у васъ все благополучно, и вы въ помощи, значитъ, совсѣмъ не нуждаетесь, сказалъ Клинъ опѣшившимъ крестьянамъ, и не подозрѣвавшимъ, что его превосходительство можетъ сдѣлать передержку ихъ словъ, подставивъ подъ „Новый" гражданскій годъ — годъ сельско-хозяйственный!

По уѣзднымъ городамъ онъ держалъ совѣты со съѣздами земскихъ начальниковъ и земскими управами о борьбѣ противъ голодающихъ. На одномъ изъ этихъ совѣщаній какой-то земскій начальникъ заявилъ, что онъ выдалъ хлѣбъ изъ запасныхъ магазиновъ, не дождавшись распоряженія губернскаго правленія: нужно было сѣять, а денегъ не было.

Прекрасно, г. земскій начальникъ! замѣтилъ Клинъ. Ну, а если крестьяне не внесутъ хлѣбъ въ магазины, какъ Вы думаете, кто заплатитъ за него? Тотъ въ смущеніи молчалъ. Да Вы, г. земскій начальникъ, Вы!

Въ одномъ изъ болѣе либеральныхъ уѣздныхъ земствъ былъ выработанъ проэктъ общественныхъ работъ на сумму около 300 тыс. руб. При посѣщеніи этого уѣзднаго городка Клиномъ, предсѣдатель управы явился къ нему и изложилъ этотъ проэктъ.

Прекрасно! превосходно! какъ это стройно задумано, какъ это практично! похвалилъ Клинъ. Ну, а какъ Вы думаете, откуда вы деньги достанете для проведенія этого прекраснаго проэкта? — Мы надѣемся на помощь правительства, отвѣчалъ предсѣдатель. — Напрасно! г. предсѣдатель, напрасно! Всегда нужно надѣяться только на себя, только на себя!

Но вотъ Клинъ во Владимірѣ. И онъ не уберегся отъ вліяній новой политики г. Зубатова, вдохновителя московскаго района. Увы! и ты, Брутъ, занялся соціальной политикой! И ты сталъ заботиться о меньшомъ братѣ!

Но какъ бы вы думали, въ чемъ выразилась его забота? — Онъ издалъ циркуляръ къ фабрикантамъ: по сообщеніямъ подвѣдомственныхъ ему чиновъ оказывается, не на всѣхъ фабрикахъ имѣются каталажки для вытрезвленія пьяныхъ рабочихъ, а если есть, то не соотвѣтствуютъ всѣмъ требованіямъ науки. Поэтому, онъ предлагаетъ гг. фабрикантамъ позаботиться объ устройствѣ каталажекъ и о поднятіи ихъ на должную высоту согласно послѣднему слову науки!

Итакъ, Клинъ ѣдетъ въ Могилевъ! Берегитесь, гг. могилевцы!

### II. „Либералъ" у власти.

Тяжелы были годы воеводства Клина для вятскихъ обывателей! Но вотъ судьба сжалилась надъ ними и прислала либерала: костромского помѣщика, енисейскаго вице-губернатора Хомутова.

Чѣмъ же отличается дѣятельность сознательнаго, циничнаго слуги самодержавія отъ либерально-размягченнаго исполнителя предначертаній предержащей власти? Да просто тѣмъ, что первый велъ прямо и послѣдовательно свою линію: онъ зналъ, что всѣ его укротительныя мѣры встрѣтятъ одобреніе свыше. Благодаря этому, для обывателя создавалась своего рода опредѣленность. Второй же не прочь иногда полиберальничать, повздыхать объ объединеніи власти съ народомъ, а глядишь, пока онъ вздыхаетъ — возжи то немного и поослабли! Но лишь только въ его размягченную душу вкрадывается, яко тать въ нощи, подозрѣніе: а вдругъ „наверху" объ этомъ узнаютъ? а вдругъ мной недовольны будутъ? — какъ онъ обрушивается на ничего не ожидающаго обывателя съ нелѣпыми, показывающими лишь его растерянность карами.

Особенно вятскимъ ссыльнымъ пришлось испробовать на себѣ эту систему. „Клинъ" въ концѣ этого года разогналъ всѣхъ ссыльныхъ изъ Вятки по уѣзднымъ городамъ. Но вотъ появился либеральный воевода и на радостяхъ повышенія по службѣ разрѣшилъ имъ всѣмъ вернуться въ Вятку. — „Я уважаю людей, которые имѣютъ самостоятельные взгляды, сказалъ онъ одному изъ нихъ, но зачѣмъ же навязывать ихъ другимъ? Пожалуйста воздержитесь отъ этого!" Неправда-ли, какъ мягко, какъ деликатно и либерально?

Но не долго продолжался миръ на землѣ! Изъ Питера былъ высланъ въ Вятскую губ., а Хомутовымъ опредѣленъ въ уѣздный городъ Глазовъ зубной врачъ Кершнеръ*). Его послали сюда до приговора: онъ выдержалъ двѣ голодовки (въ Предварилкѣ и Пересыльной) и добился своего освобожденія. Пріѣхалъ онъ въ Глазовъ, еще не оправившись отъ голодовокъ, желтый и разстроенный. И вотъ жилъ онъ тамъ тихо и мирно да зубы у обывателей рвалъ. Какъ вдругъ у него производятъ обыскъ и хотя ничего не находятъ, но все таки высылаютъ въ с. Уни того же уѣзда, гдѣ онъ принужденъ жить въ полномъ одиночествѣ подъ надзоромъ становаго. За что же? Да по подозрѣнію, что онъ поддерживаетъ сношенія съ заграницей, гдѣ онъ жилъ нѣкогда!

Это была первая „квитанція" либерала у власти. Не замедлила послѣдовать и вторая.

Въ Малмыжѣ ссыльные, истомленные своимъ безсмысленнымъ существованіемъ, оторванные отъ жизни, принужденные вариться въ своемъ собственномъ соку, но въ то же время получая отовсюду извѣстія, что въ остальной Россіи жизнь повсюду кипитъ, рѣшили хоть чѣмъ-нибудь выразить свое настроеніе, хоть чѣмъ-нибудь доказать, главнымъ образомъ себѣ, что они еще не умерли духомъ. И вотъ они рѣшили справить 1-ое мая, пройдясь по городу попарно съ красными бантами въ петлицахъ...

Демонстрація! Крамола! А ну, какъ это припишутъ мнѣ, моему либеральному образу мыслей?! Загнать ихъ туда, куда Макаръ телятъ не гоняетъ! И дѣйствительно, какъ вы уже знаете, 6 человѣкъ разослано по глухимъ деревнямъ, какъ напр. Бере-

*) Былъ арестованъ въ апр 1901 г. съ листкомъ Петербургской группы „Соціалистъ".

---

Соц.-рев. соблюли себя въ чистотѣ отъ тлетворнаго вліянія современныхъ соціалистическихъ ученій. Они сохранили цѣликомъ добрые старые пріемы вульгарнаго соціализма. Предъ нами — новый историческій фактъ, новое движеніе въ извѣстномъ слоѣ народа. Они не изслѣдуютъ положеніе этого слоя, не задаются цѣлью объяснить его движеніе характеромъ этого слоя и отношеніемъ его къ

Впрочемъ, для с.-р. все это — книга за семью печатями. Они даже въ серьезъ увѣряютъ Искру, что расчистка пути для развитія капитализма — пустой догматъ, ибо „реформы" (60-хъ гг.) „и расчистили (!) полный (!!) просторъ развитію капитализма". Вотъ до чего можетъ дописаться бойкій человѣкъ, которымъ владѣетъ бойкое перо и который воображаетъ, что „отъ кресть-

Воображая, что они выводятъ чистую идею соціализма, наши с.-р. на самомъ дѣлѣ пачкаютъ эту идею некритическимъ отношеніемъ къ старому народничеству.

Дедукція №2: „Уже и теперь земля перетекаетъ отъ капитала къ труду — надо, чтобы этотъ процессъ былъ завершенъ государствомъ". Дальше въ лѣсъ — больше дровъ. Сдѣлаемъ еще

его имя будетъ поставлено рядомъ съ именами Хвостовыхъ, Клокачевыхъ и другихъ оберъ экзекуторовъ!

Между виленскимъ врачемъ Михайловымъ, опредѣлявшимъ число ударовъ, которые могутъ вынести рабочіе-демонстранты, и тѣми военными врачами (и офицерами вообще), которые присутствуютъ при экзекуціяхъ въ деревнѣ, нѣтъ большой разницы. Всѣхъ ихъ мы будемъ пригвождать къ позорному столбу, всѣхъ отдаемъ на судъ народа и просимъ читателей присылать для опубликованія, для посрамленія имена всѣхъ „молчаливыхъ" сообщниковъ царскихъ палачей.

Боимся, что автору письма такъ и не удалось „умыть руки" врача Черниковера. Бѣдная леди Макбетъ! Бѣдный врачъ Черниковеръ! Мужицкая кровь не отмывается съ бѣлыхъ рукъ....

## Изъ секретныхъ документовъ.

Секретно.

Копія отношенія Начальника Тамбово-Уральскаго Жандармскаго Полицейскаго Управленія желѣзныхъ дорогъ г. Управляющему дорогою отъ 21-го іюня 1902 г. за № 115.

До свѣдѣнія моего дошло, что служащіе на Рязанско-Уральской желѣзной дорогѣ, находя въ районѣ желѣзной дороги различнаго рода воззванія, прокламаціи и т. п. изданія преступнаго содержанія, не передаютъ таковыя немедленно, какъ бы то слѣдовало, чинамъ ввѣреннаго мнѣ Управленія, а представляютъ въ порядкѣ подчиненности начальствующимъ надъ ними лицамъ до начальниковъ службъ включительно, при чемъ прокламаціи и воззванія эти представляются не секретно, а свободно прочитываются въ конторахъ службъ и затѣмъ часто затериваются или уничтожаются.

Находя такой порядокъ совершенно неудобнымъ во многихъ отношеніяхъ, честь имѣю покорнѣйше просить васъ, Милостивый Государь, не отказать сдѣлать распоряженіе, чтобы служащіе на желѣзной дорогѣ лица, находя или получая прокламаціи и воззванія преступнаго содержанія, немедленно передавали таковыя чинамъ ввѣреннаго мнѣ Управленія.

Подлинное съ надлежащей подписью.

Съ подлиннымъ вѣрно: Правитель Дѣлъ

В. Шиховъ.

## Встревоженный помпадуръ.

Предписаніе, разосланное 17-го іюля 1902 г. Нижегородскимъ губернаторомъ всѣмъ земскимъ начальникамъ губерніи.

„Имѣя въ виду, что враги отечества, наводняющіе имперію, успѣли проникнуть и во ввѣренную мнѣ Нижегородскую губернію, предписываю немедленно объѣхать всѣ волости, призывая самихъ крестьянъ на борьбу съ этими врагами, такъ какъ полиція и жандармы слишкомъ малочисленны и безсильны; а потому заставить крестьянъ захватывать всѣхъ проходимцевъ, раздающихъ вредныя книжки, листки и газеты, и представлять ихъ

должностей и проч. Не предполагая исключительность этого завода, думаемъ, что подобныя бумаги разосланы на всѣ Уральскіе заводы. Къ сожалѣнію, намъ не представилось возможнымъ скопировать означенный циркуляръ; въ случаѣ, если такая возможность представится, не замедлимъ прислать копію.

Циркуляръ этотъ полученъ спустя нѣкоторое время послѣ грандіозной стачки на Воткинскомъ казенномъ заводѣ, Вятской губ., во главѣ движенія стоялъ молодой еврей, 18 лѣтъ. Думаемъ, что между этимъ фактомъ и разсылкой циркуляра есть причинная связь.

## Изъ губернаторскихъ нравовъ.

### I. „Клинъ" въ Могилевъ ѣдетъ!

Товарищъ прокурора виленскаго окружнаго суда; полицмейстеръ Вильны — благодаря женитьбѣ на содержанкѣ своего шефа — виленскаго ген.-губернатора Троцкаго; герой извѣстной исторіи насильственнаго закрытія костела въ Крожахъ Ковенской губ., сопровождавшагося варварской бойней; вятскій губернаторъ, отличившійся борьбой съ голодающими, вытравленіемъ всѣхъ свободныхъ элементовъ изъ земства — задушеніе единственной вятской газеты „Вятскій Край" — такова карьера и главныя подвиги вятскаго губ. Клингенберга, переведеннаго въ награду сначала во Владиміръ, а теперь — въ Могилевъ.

Мерзавецъ, пьяница и развратникъ онъ давилъ постоянно, систематично, съ циничнымъ презрѣніемъ къ подданнымъ Его Величества. Цѣль его правленія была — вытравить изъ обывателя даже мечту о свободномъ вадохѣ.

Цинизмъ его доходилъ до того, что, обезличивъ Вятское губ. земское собраніе введеніемъ туда своихъ клевретовъ и вытравивъ всѣ свободные элементы, онъ рѣшился похвалить его: „я радъ, что теперешній составъ собранія стоитъ на высотѣ своего призванія: раньше (при Батуевѣ!) больше говорили, теперь — больше дѣлаютъ!

Въ 1898 г. онъ сажалъ подъ арестъ старшинъ, сообщавшихъ о голодѣ.

Въ 1901 г. онъ издалъ извѣстный циркуляръ къ крестьянамъ, чтобы они голодали „своими средствіями", не надѣясь на поддержку правительства: задача послѣдняго — собирать подати, а вовсе не кормить своихъ плательщиковъ!

Тогда же въ іюлѣ онъ совершилъ поѣздку по губерніи для выясненія размѣровъ недорода. Въ одномъ селѣ его встрѣтили крестьяне съ хлѣбомъ солью.

Ну, на долго-ли у васъ хлѣба хватитъ? спросилъ Клинъ. Да до Новаго года можетъ хватить, а тамъ ужъ не знаемъ какъ, былъ отвѣтъ. А! до Новаго года хватитъ, ну, очень радъ, что у васъ все благополучно, и вы въ помощи, значитъ, совсѣмъ не нуждаетесь, сказалъ Клинъ опѣшившимъ крестьянамъ, и не подозрѣвавшимъ, что его превосходительство можетъ сдѣлать передержку ихъ словъ, подставивъ подъ „Новый" гражданскій годъ — годъ сельско-хозяйственный!

предначертанія предержащей власти? да просто тѣмъ, что первый велъ прямо и послѣдовательно свою линію: онъ зналъ, что всѣ его укротительныя мѣры встрѣтятъ одобреніе свыше. Благодаря этому, для обывателя создавалась своего рода опредѣленность. Второй же не прочь иногда полиберальничать, повздыхать объ объединеніи власти съ народомъ, а глядишь, пока онъ вздыхаетъ — вожжи то немного и пораслабли! Но лишь только въ его размягченную душу вкрадывается, яко тать въ нощи, подозрѣніе: а вдругъ „наверху" объ этомъ узнаютъ? а вдругъ мной недовольны будутъ? — какъ онъ обрушивается на ничего не ожидающаго обывателя съ нелѣпыми, показывающими лишь его растерянность карами.

Особенно вятскимъ ссыльнымъ пришлось испробовать на себѣ эту систему. „Клинъ" въ концѣ этого года разогналъ всѣхъ ссыльныхъ изъ Вятки по уѣзднымъ городамъ. Но вотъ появился либеральный воевода и на радостяхъ повышенія по службѣ разрѣшилъ имъ всѣмъ вернуться въ Вятку. — „Я уважаю людей, которые имѣютъ самостоятельные взгляды, сказалъ онъ одному изъ нихъ, но зачѣмъ же навязывать ихъ другимъ? Пожалуйста воздержитесь отъ этого!" Неправда-ли, какъ мягко, какъ деликатно и либерально?

Но не долго продолжался миръ на землѣ! Изъ Питера былъ высланъ въ Вятскую губ., а Хомутовымъ опредѣленъ въ уѣздный городъ Глазовъ зубной врачъ Кершнеръ*). Его послали сюда до приговора: онъ выдержалъ двѣ голодовки (въ Предварилкѣ и Пересыльной) и добился своего освобожденія. Пріѣхалъ онъ въ Глазовъ, еще не оправившись отъ голодовокъ, желтый и разстроенный. И вотъ жилъ онъ тамъ тихо и мирно да зубы у обывателей рвалъ. Какъ вдругъ у него производятъ обыскъ и хотя ничего не находятъ, но все таки высылаютъ въ с. Уни того же уѣзда, гдѣ онъ принужденъ жить въ полномъ одиночествѣ подъ надзоромъ становаго. За что же? Да по подозрѣнію, что онъ поддерживаетъ сношенія съ заграницей, гдѣ онъ жилъ нѣкогда!

Это была первая „квитанція" либерала у власти. Не замедлила послѣдовать и вторая.

Въ Малмыжѣ ссыльные, истомленные своимъ безсмысленнымъ существованіемъ, оторванные отъ жизни, принужденные вариться въ своемъ собственномъ соку, но въ то же время получая отовсюду извѣстія, что въ остальной Россіи жизнь повсюду кипитъ, рѣшили хоть чѣмъ-нибудь выразить свое настроеніе, хоть чѣмъ-нибудь доказать, главнымъ образомъ себѣ, что они еще не умерли духомъ. И вотъ они рѣшили справить 1-ое мая, пройдясь по городу попарно съ красными бантами въ петлицахъ...

Демонстрація! Крамола! А ну, какъ это припишутъ мнѣ, моему либеральному образу мыслей?! Загнать ихъ туда, куда Макаръ телятъ не гонетъ! И дѣйствительно, какъ вы уже знаете, 6 человѣкъ разослано по глухимъ деревнямъ, какъ напр. Бере-

*) Былъ арестованъ въ апр 1901 г. съ листкомъ Петербургской группы „Соціалистъ".

Соц.-рев. соблюли себя въ чистотѣ отъ тлетворнаго вліянія современныхъ соціалистическихъ ученій. Они сохранили цѣликомъ добрые старые пріемы вульгарнаго соціализма. Предъ нами—новый историческій фактъ, новое движеніе въ извѣстномъ слоѣ народа. Они не изслѣдуютъ положеніе этого слоя, не задаются цѣлью объяснить его движеніе характеромъ этого слоя и отношеніемъ его къ развивающемуся экономическому строю цѣлаго общества. Это все для нихъ—пустая догма, изжитая ортодоксія. У нихъ это проще дѣлается. — О чемъ говорятъ сами представители подымающагося слоя? О землѣ, прирѣзкѣ, передѣлѣ.—Ну, вотъ вамъ и все. Вотъ вамъ „полусоціалистическая программа", „совершенно правильный принципъ", „свѣтлая идея", „идеалъ, который въ зародышевой формѣ уже живетъ въ головѣ крестьянина" и т. д. Надо только „очистить и разработать этотъ идеалъ", вывести „чистую идею соціализма". Вы не вѣрите, читатель? Вамъ кажется невѣроятнымъ, чтобы эта народническая ветошь снова вытаскивалась на свѣтъ божій людьми, которые такъ бойко повторяютъ, что имъ книга послѣдняя скажетъ? А между тѣмъ это фактъ, и всѣ процитированныя нами словечки взяты изъ заявленія „отъ крестьянскаго союза" въ № 8 Рев. Россія.

Соц.-рев. обвиняютъ Искру, что, назвавъ крестьянское движеніе послѣднимъ мятежомъ крестьянства, она рано заговорила за упокой: крестьянство, поучаютъ насъ, можетъ участвовать и въ соціалистическомъ движеніи пролетаріата. Это обвиненіе наглядно показываетъ всю путаницу мысли у с.-р. Они не разобрались даже въ томъ, что одно дѣло—демократическое движеніе противъ остатковъ крѣпостничества, другое дѣло—соціалистическое движеніе противъ буржуазіи. Не понявъ самаго крестьянскаго движенія, они не могли понять и того, что испугавшія ихъ слова Искры относятся только къ первому движенію. О томъ, что гибнущіе мелкіе производители (крестьяне въ томъ числѣ) могутъ и должны участвовать въ соціалистическомъ движеніи пролетаріата, Искра не только сказала въ своей программѣ, но и точно опредѣлила условія этого участія. Но современное крестьянское движеніе вовсе не является соціалистическимъ, направленнымъ противъ буржуазіи и капитализма, движеніемъ. Наоборотъ, оно объединяетъ буржуазные и пролетарскіе элементы крестьянства, которые дѣйствительно едины въ борьбѣ съ остатками крѣпостничества. Современное крестьянское движеніе ведетъ—и приведетъ—къ установленію не соціалистическаго и не полусоціалистическаго, а буржуазнаго сельскаго уклада, очиститъ созрѣвшіе уже буржуазные устои нашей деревни отъ крѣпостническихъ путъ.

Впрочемъ, для с.-р. все это—книга за семью печатями. Они даже въ серьезъ увѣряютъ Искру, что расчистка пути для развитія капитализма—пустой догматъ, ибо „реформы" (60-хъ гг.) „и расчистили (!) полный (!!) просторъ развитію капитализма". Вотъ до чего можетъ дописаться бойкій человѣкъ, которымъ владѣетъ бойкое перо и который воображаетъ, что „отъ крестьянскаго союза" всячинка сойти можетъ: крестьянинъ не разберетъ!—Но подумайте пожалуйста, любезный авторъ: не слыхали-ли вы когда нибудь, что остатки крѣпостничества задерживаютъ развитіе капитализма? не кажется ли вамъ, что это даже почти тавтологія? и не читали-ли вы гдѣ нибудь объ остаткахъ крѣпостничества въ современной русской деревнѣ?

Искра говоритъ, что предстоящая революція будетъ буржуазной революціей. С.-р. возражаютъ: она будетъ „прежде всего революціей политической и до извѣстной степени демократической". Не попробуютъ ли объяснить намъ авторы этого милаго возраженія,—была-ли когда-либо въ исторіи, мыслима-ли вообще такая буржуазная революція, которая бы не была „до извѣстной степени демократической"? Да вѣдь и программа самихъ с.-р. (уравнительное пользованіе землей, перешедшей въ собственность общества) не выходитъ еще изъ рамокъ буржуазной программы, ибо сохраненіе товарнаго производства и допущеніе частнаго хозяйства, хотя бы и на общей землѣ, нисколько не устраняетъ капиталистическихъ отношеній въ земледѣліи.

Чѣмъ легкомысленнѣе относятся с.-р. къ элементарнѣйшимъ истинамъ современнаго соціализма, тѣмъ легче сочиняютъ они „элементарнѣйшія дедукціи", гордясь даже тѣмъ, что ихъ „программа сводится" къ таковымъ. Разсмотримъ всѣ ихъ три дедукціи, которыя, вѣроятно, надолго останутся памятникомъ остроты ума и глубины соціалистическихъ убѣжденій с.-рев.

Дедукція № 1: „Уже теперь большая доля территоріи Россіи принадлежитъ государству—надо, чтобы вся территорія принадлежала народу". „Уже теперь" умиленныя ссылки на государственное землевладѣніе въ Россіи набили намъ оскомину въ произведеніяхъ полицейскихъ народниковъ (а la Сазоновъ и др.) и разныхъ катедеръ-реформаторовъ. „Надо", чтобы въ хвостѣ за этими господами поплелись именующіе себя соціалистами да еще революціонерами. „Надо", чтобы соціалисты подчеркивали мнимое всесиліе „государства" (забывая даже, что большая доля государственныхъ земель сосредоточена на необитаемыхъ окраинахъ страны), а не классовую противуположность полукрѣпостнаго крестьянства и привилегированной горсти крупныхъ землевладѣльцевъ, которые владѣютъ массой лучшихъ воздѣланныхъ земель и съ которыми „государство" всегда жило душа въ душу.

Воображая, что они выводятъ чистую идею соціализма, наши с.-р. на самомъ дѣлѣ пачкаютъ эту идею некритическимъ отношеніемъ къ старому народничеству.

Дедукція №2: „Уже и теперь земля перетекаетъ отъ капитала къ труду — надо, чтобы этотъ процессъ былъ завершенъ государствомъ". Дальше въ лѣсъ — больше дровъ. Сдѣлаемъ еще шагъ къ полицейскому народничеству, будемъ призывать (классовое!) „государство" къ расширенію крестьянскаго землевладѣнія вообще. Это замѣчательно соціалистично и удивительно революціонно. Но чего и ждать отъ людей, которые покупку и аренду земли крестьянами называютъ не переходомъ земли отъ крѣпостниковъ помѣщиковъ къ сельской буржуазіи, а переходомъ „отъ капитала къ труду". Напомнимъ этимъ людямъ хотя бы данныя о фактическомъ распредѣленіи „перетекающихъ къ труду" земель: отъ 6 до 9 десятыхъ всей купчей крестьянской земли и отъ 5 до 8 десятыхъ аренды сосредоточивается въ рукахъ одной пятой доли дворовъ т. е. у небольшого меньшинства зажиточныхъ. Судите по этому, много-ли правды въ словахъ соц.-рев., когда они утверждаютъ, что на зажиточныхъ крестьянъ „мы и не разсчитываемъ", а только на „чисто-трудовые слои"?

Дедукція №3: „Крестьянинъ уже имѣетъ землю и пользуется ею въ большинствѣ случаевъ въ уравнительномъ распредѣленіи, — надо, чтобы это трудовое пользованіе было доведено до конца... и завершилось бы черезъ развитіе всякаго рода коопераціи коллективнымъ земледѣльческимъ производствомъ". — Поскребите соц.-революціонера и вы найдете г. В.В.! Какъ только дошло до дѣла, всѣ старые предразсудки народничества, преблагополучно сохранившіеся подъ прикрытіемъ увертливыхъ фразъ, выползли тотчасъ же наружу. Государственное землевладѣніе — завершеніе государствомъ перехода земли къ крестьянству — община — кооперація — коллективизмъ — въ этой великолѣпной схемѣ г.г. Сазонова, Юзова, Н.-она, соц.-революціонеровъ, Гофштетера, Тотоміанца и пр. и пр., — въ этой схемѣ не хватаетъ совсѣмъ маленькой мелочи. Въ ней нѣтъ ни развивающагося капитализма, ни классовой борьбы. Да и откуда было взяться этой мелочи въ головахъ людей, весь идейный багажъ которыхъ состоитъ изъ лохмотьевъ народничества и нарядныхъ заплатъ модной критики? Развѣ не сказалъ самъ г. Булгаковъ, что въ деревнѣ нѣтъ мѣста для классовой борьбы? Развѣ замѣна классовой борьбы „всевозможными коопераціями" не удовлетворитъ и либераловъ и „критиковъ" и вообще всѣхъ тѣхъ, для кого соціализмъ есть не болѣе, какъ традиціонная вывѣска? И развѣ нельзя попробовать успокоить наивныхъ людей увѣреніемъ: „мы, конечно

зовскіе починки, куда можно проѣхать лѣтомъ лишь верхомъ. Произойди такая исторія въ другомъ мѣстѣ, виновники „демонстраціи" вѣроятно отдѣлались бы мѣсяцемъ — двумя высидки. Но вѣдь это ссыльные, съ ними губернаторъ, что хочетъ, можетъ сдѣлать, и вотъ „либералъ", дрожа за свою шкуру, наказываетъ ихъ второй ссылкой, которая не уступитъ сибирской!

Теперь намъ сообщаютъ третій фактъ. Старикъ Балмашевъ кончилъ свой надзоръ и уѣзжалъ изъ Вятки. Товарищи пошли провожать его на пароходъ и при отходѣ послѣдняго кричали обычныя дорожныя привѣтствія. Полиція донесла „либералу": демонстрація! кричали: долой правительство!" Губернаторъ приказалъ разослать указанныхъ полиціей мнимыхъ организаторовъ мнимой демонстраціи — Спицына, Стучку и Шульца — по деревнямъ. Но эти лица доказали ему, что никакой демонстраціи не было, либералъ смилостивился и отмѣнилъ съ перепугу отданное распоряженіе.

Таковы „квитанціи", выданныя „либераломъ у власти" вятскимъ ссыльнымъ. Мы надѣемся, что наши товарищи ссыльные разочтутся по нимъ: они употребятъ всѣ усилія, чтобы освѣтить и заклеймить каждый растерянный шагъ этого „либерала" и будутъ энергичнѣе собирать и присылать намъ всѣ матеріалы по борьбѣ съ голодающими и вообще по хроникѣ общественно-политической жизни въ Вятскомъ краѣ.

— Изъ Малмыжскаго уѣзда намъ сообщаютъ, что арестованъ кружокъ изъ 8 крестьянъ и 3 мѣщанъ, обвиняемыхъ въ совмѣстномъ чтеніи нелегальной литературы. Этотъ кружокъ открытъ черезъ одного парня, который былъ будто бы подкупленъ урядникомъ, протерся въ кружокъ и затѣмъ выдалъ всѣхъ.

Маріуполь. Кризисъ у насъ сказался самымъ замѣтнымъ образомъ: изъ 10,000 занятыхъ рабочихъ осталось едва 800 человѣкъ. Два крупнѣйшихъ завода бельгійскій „Никополь-Маріупольскій" и французскій „Провидансъ" совсѣмъ прекращаютъ свою дѣятельность. Интересна исторія ихъ возникновенія и развитія. Правительство, какъ извѣстно, проявляетъ стремленіе привлекать иностранные капиталы; для поощренія оно каждый разъ обѣщаетъ опредѣленный заказъ. Такъ, Никополь-Маріупольскому заводу былъ обезпеченъ заказъ въ 2 милліона рублей на трубы. Оборудованіе завода обошлось въ 15 милліоновъ, оборудованіе „Провиданса" — 20 милл. Начинается пріемка. Придирчивая браковка приводитъ къ тому, что заказъ ничего не приноситъ. Послѣ перваго заказа, втораго не даютъ, ссылаясь на плохое исполненіе перваго и вотъ заводъ замираетъ... Неминуема ликвидація. Этого-то и ждетъ правительство. За безцѣнокъ оно беретъ заводъ „въ казну" или же заводъ попадаетъ въ русскія руки. А въ это время тысячи голодающихъ рабочихъ выбрасываются вонъ. Такая политика правительства — общее явленіе по всему югу. Не мало голодныхъ смертей вызываетъ его любовь къ Россіи — то бишь къ русскому капиталу.

Петербургъ. Изъ числа Петербургскихъ студентовъ, приговоренныхъ по студенческимъ дѣламъ къ тюремному заключенію отъ 3—6 мѣсяцевъ, нѣсколько человѣкъ подали прошенія о помилованіи и тотчасъ же были освобождены, приняты снова въ университетъ и имъ разрѣшено было весною же держать экзамены.

Фамиліи этихъ студентовъ: 1) Бутми де Кацманъ (горн.), 2) Медвѣдевъ (унив.), 3) Пивоваровъ (техн.), 4) Куликовскій (техн.); 5) Бебешинъ, 6) Михѣевъ (горн.). Кромѣ того многіе студенты подавали прошеніе о пересмотрѣ ихъ дѣла министру или градоначальнику, и тоже были тотчасъ освобождены.

Ставрополь. (Сообщено Ростовской группой „Искры".)

Слухи о крестьянскихъ безпорядкахъ въ Полтавской и Харьковской губ. встревожили Ставропольскаго губернатора, стараго помпадура Никифораки настолько, что онъ подъ шумокъ и со страха началъ распространять слухи о готовящихся демонстраціяхъ въ городѣ Ставрополѣ и его уѣздѣ. Дѣло дошло даже до того, что онъ завелъ въ городѣ совмѣстно съ жандармскимъ ротмистромъ сыскное отдѣленіе, усилилъ количество городовыхъ, а въ началѣ мая задержалъ цѣлый батальонъ солдатъ мѣстнаго резерва для усмиренія якобы готовящихся безпорядковъ и выписалъ цѣлую сотню казаковъ. На вокзалѣ же дорогой и день и ночь сновали городовые и жандармы, своимъ видомъ тревожа искони мирнаго ставропольскаго обывателя. Всякое новое пріѣзжающее въ городъ лицо тщательно на вокзалѣ осматривалось въ виду того, что жандармы и полиція ждали „крамольниковъ" съ вокзала... Такимъ образомъ, мирный пошехонскій городъ Ставрополь въ глазахъ напуганной администраціи явился очагомъ революціи и очутился въ осадномъ положеніи, въ которомъ его держали съ середины апрѣля до іюня мѣсяца. Помпадуры со дня на день ждали возстанія. И, дѣйствительно, Никифораки получалъ все это время угрожающія подметныя письма.

На столбахъ и заборахъ улицъ города появились угрожающія надписи, какъ напр.: „жизнь или смерть". Среди обывателей царитъ паника, а въ предмѣстьи города Каменной Ломкѣ, сосредоточіи бѣднѣйшаго населенія города, шли толки о томъ, что нужно перебить всѣхъ чиновниковъ и баръ, что все скоро будетъ по иному и т. д. Словомъ, подъ вліяніемъ дѣйствій напуганной администраціи съ одной стороны, и подъ вліяніемъ проникшихъ слуховъ о Полтавскихъ и Харьковскихъ безпорядкахъ съ другой, издавна недовольное населеніе Каменной Ломки и Воробьевки начинало мало по малу задумываться надъ истиннымъ положеніемъ вещей... Но отсутствіе иниціативы у революціонной интеллигенціи гарантировало городу его вѣчное прозябаніе, хотя въ этотъ моментъ достаточно было бы разумно брошеннаго революціоннаго слова, чтобы организовать демонстрацію.

Жандармы и полиція совмѣстно съ помпадуромъ метались, какъ угорѣлые, и дѣлали все отъ нихъ зависящее, что-бы вызвать демонстрацію. На ярмаркѣ въ концѣ мая ходили патрули солдатъ и отряды городовыхъ и всѣхъ пріѣзжающихъ на ярмарку осматривали, опрашивали и т. д., тормозили даже торговлю, такъ что ярмарка кончилась до срока и въ коммерческомъ отношеніи не удалась, чѣмъ вызвано было недовольство среди торговцевъ и крестьянъ, обыкновенно сбывающихъ на этой ярмаркѣ свой скотъ. Увеселенія ярмарочныя были отмѣнены, всякое неизбѣжное на ярмаркахъ скопленіе народа разгонялось самымъ безцеремоннымъ образомъ. Особенно въ этомъ отношеніи отличался полицмейстеръ Герденвицъ, бывшій земскій начальникъ. Онъ пускалъ въ ходъ свои кулаки и нагайку, традиціонную мѣру усмиренія недовольныхъ. Жандармы даже сдѣлали набѣги на двѣ квартиры мирныхъ обывателей, ища въ нихъ „корней и нитей", отобрали при обыскѣ кинжалъ и палку. Но „Ставропольская революція", созданная воображеніемъ помпадура, которому не давали спать лавры Харьковскаго помпадура, экзекутора Оболенскаго, все-таки не проявилась. А, между тѣмъ, вмѣсто „крестовъ и орденовъ" Никифораки получилъ нахлобучку изъ Петербурга за то, что задержалъ батальонъ солдатъ, тогда какъ онъ 1-го мая долженъ былъ уйти на маневры.

Кіевъ. Въ ясный субботній день 29-го іюня въ Голосѣевскомъ лѣсу за предмѣстьемъ г. Кіева (Деміевкой) было схвачено около 100 человѣкъ рабочихъ и нѣсколько интеллигентовъ. По словамъ одного полицейскаго, гулявшихъ въ лѣсу подъ праздникъ рабочихъ (для евреевъ суббота вмѣняетъ въ обязанность гулять подъ открытымъ небомъ) захватили какъ соціалистовъ „на собраніи". Это „собраніе" гулявшихъ горожанъ прослѣжено было монахомъ изъ „Голосѣевской Пустыни" (монастырь), давшимъ знать о своихъ подозрѣніяхъ полиціи. Когда появилась въ лѣсу полиція съ солдатами, мирно гулявшіе по лѣсу горожане стали разбѣгаться въ разныя стороны, но въ виду выстрѣловъ со стороны полиціи, нѣкоторые (преимущественно женщины и близъ нихъ бѣжавшіе мущины) остановились и дали полиціи возможность окружить себя. У арестованныхъ были произведены обыски, и тѣ изъ нихъ, у кого найдено что нибудь нелегальное (а у кого по нынѣшнимъ временамъ нелегальщины не бываетъ?) задержаны и посажены въ Лукьяновскую тюрьму (14 человѣкъ). Нечего и говорить, что многіе изъ гулявшихъ въ лѣсу горожанъ, пойманные полиціей, несмотря на заявленія о своей непринадлежности къ какому-то неизвѣстному имъ „собранію", несмотря на отсутствіе какихъ либо вещественныхъ доказательствъ ихъ виновности были арестованы, обысканы и провели не одну тревожную ночь въ отвратительныхъ условіяхъ нашихъ участковъ.

Намъ пишутъ изъ Одессы, что въ Одесскомъ уѣздѣ въ іюнѣ мѣсяцѣ былъ распространенъ среди крестьянъ гектографированный листокъ, экземпляръ котораго присланъ въ редакцію. „Каждый экземпляръ читался и перечитывался и производилъ впечатлѣніе. Полиція рыщетъ, какъ сумасшедшая, хватаетъ и держитъ ни въ чемъ неповинныхъ крестьянъ". Большой спросъ на соціалдемократическую литературу.

# ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ

и

# ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

Баку, 3-го мая. Быстро выросшій центръ нефтяной промышленности, Баку еще недавно представлялъ царство исключительныхъ интересовъ биржи и ажіотажа. Магическое слово „фонтанъ" кружило голову всему, имѣвшему то или иное отношеніе къ нефтяной промышленности. А отношеніе имѣлъ почти всякій Бакинскій житель; прямо или косвенно всѣ были заинтересованы въ нефтяныхъ дѣлахъ, всякій надѣялся отвести въ свой каналъ что-нибудь изъ золотого дождя милліоновъ. Деньги лились рѣкой! капиталы наживались и прожигались съ американской быстротой. Напоминаніе объ общечеловѣческихъ интересахъ прозвучало бы рѣзкимъ и смѣшнымъ диссонансомъ въ этомъ царствѣ рыцарей первоначальнаго накопленія. Только жестокія звѣрства въ Турецкой Арменіи на время всколыхнули армянскую часть населенія, и революціонная національно-армянская пропаганда имѣла временный успѣхъ, поддержанный начавшейся эрой преслѣдованій армянскаго языка и національности со стороны русскаго правительства. Съ наступившимъ затишьемъ въ Турецкой Арменіи сошла съ видимой сцены и Армянская Революціонная Партія въ Россіи, какъ партія дѣйствія, сохраняя однако за собой симпатіи сознательной части армянскаго населенія. Армянскіе революціонеры имѣли въ Баку и революціонные кружки среди рабочихъ. Мы не говорили до сихъ поръ о послѣднихъ. Горячкѣ наживы на одной сторонѣ соотвѣтствовало глухое недовольство угнетеннаго рабочаго населенія, которому кромѣ нищеты, страданій да увѣчій, ничего не доставалось. Но, не просвѣтленное соціалдемократической пропагандой, недовольство выражалось въ актахъ разрушенія и мщенія, да въ бунтахъ, кончавшихся нерѣдко жестокими побоищами между христіанскими и мусульманскими рабочими. Мусульманское населеніе въ Баку самое многочисленное (по неточнымъ свѣдѣніямъ здѣсь около 70,000 мусульманъ, около 50,000 тысячъ армянъ, 30-40 тысячъ русскихъ, остальные — грузины, нѣмцы, евреи, иностранцы). Мусульмане — большей частью, персидско-подданные — пріѣзжаютъ сюда временно для заработковъ. Привыкнувъ у себя на родинѣ къ еще худшему политическому и экономическому гнету, они смотрятъ на Россію чуть ли не какъ на страну свободы и благополучія. Къ тому-же крайне низкій уровень ихъ потребностей дѣлаетъ ихъ опасными конкурентами для рабочихъ-христіанъ и служитъ постоянной причиной взаимнаго недовольства и вражды. Изъ нихъ-то состоитъ вся масса „амбаловъ", — рабочихъ на пристаняхъ и низшихъ промысловыхъ рабочихъ. Обученныхъ рабочихъ и ремесленниковъ среди нихъ нѣтъ. Описанная духовная атмосфера въ Баку стала сильно измѣняться за послѣдніе 2 года. Нефтяная промышленность стала входить въ болѣе постоянное русло, горячка быстрой наживы стала исчезать. Разразившійся затѣмъ кризисъ нефтяной промышленности закончилъ этотъ процессъ. Средній и мелкій людъ потерялъ иллюзіи быстраго обогащенія, а печальная дѣйствительность въ видѣ разсчетовъ служащихъ, пониженія жалованья и проч. стала проявляться очень ощутительно. Въ это время (1900-1901) въ главныхъ центрахъ Россіи началась уличная агитація, и революціонное движеніе, дотолѣ скрываемое подъ спудомъ, выступило на свѣтъ божій. Гулъ революціонной борьбы донесся и до Баку, и подъ вліяніемъ толчковъ жизни бакинцы на этотъ разъ стали прислушиваться къ нему съ интересомъ и вниманіемъ. Студенческіе бюллетени, листки и вообще нелегальная литература, стали сильно циркулировать по городу. Въ то же время началась и болѣе правильная соц.-демократическая пропаганда среди здѣшнихъ рабочихъ.

Въ зиму 1901-1902 г. здѣсь имѣло мѣсто нѣсколько забастовокъ на заводахъ и въ ремесленныхъ мастерскихъ, прошедшихъ мирно и закончившихся уступками рабочимъ. Начало 1902 года ознаменовалось первыми жертвами соц.-демократической пропаганды. Въ Баку арестовано было около 30 рабочихъ и нѣсколько интеллигентовъ. Между тѣмъ, кризисъ съ его безработицей, массовыми высылками безработныхъ рабочихъ (до десятка тысячъ), пониженіе платы и проч. усиливалъ недовольство среди бакинскихъ рабочихъ и интересъ къ соц.-демократической пропагандѣ, а среди сознательной части рабочаго населенія вызвалъ стремленіе къ болѣе активной дѣятельности, укрѣплялъ убѣжденіе въ неизбѣжности открытой борьбы съ самодержавіемъ. Началась тайная агитація. Бакинскій Соц.-демократическій Комитетъ рѣшилъ выступить открыто. Осень и зиму онъ усердно распространялъ по рукамъ нелегальную литературу (брошюры и газеты „Искру" и „Южный Рабочій") и общерусскіе листки (о 19 февр. и проч.). По поводу мартовскихъ арестовъ въ Баку онъ выпустилъ листокъ уже за своею подписью. Въ концѣ апрѣля Комитетомъ были распространенъ: майскій листокъ „Искры", собственный листокъ „Комитета" (печатный), и воззваніе къ обществу (гектогр.) Кромѣ него, циркулировало воззваніе „къ Кавказской интеллигенціи" (гектогр.), выпущенное группой соц.-демокр. Всѣ эти листки разбрасывались, расклеивались на заводскихъ зданіяхъ и на всѣхъ улицахъ и съ жадностью читались всѣмъ населеніемъ безъ различія положеній. Подъ вліяніемъ усиленной устной и печатной агитаціи число желающихъ участвовать въ демонстраціи среди рабочихъ стало сильно возростать и Комитетъ назначилъ ее на 21 апрѣля. Мы не станемъ повторять всѣхъ подробностей ея, описанныхъ въ корреспонденціи рабочаго-участника демонстраціи. Демонстрація вышла менѣе многочисленной, чѣмъ ожидалось: благодаря случайности, знамя развернуто было ранѣе условленнаго времени, и вмѣсто 800 человѣкъ, на которыхъ можно было разсчитывать съ увѣренностью, съ Парапета двинулось всего человѣкъ 300. Тѣмъ не менѣе, ее надо признать безусловно удавшейся. Цѣль ея достигнута: повсюду только и разговоровъ, что о демонстраціи; публика, не читавшая еще листковъ, стала усиленно искать ихъ; всѣ удивляются, что въ Баку могла удасться подобная демонстрація. Крикъ „долой самодержавіе" разнесенъ по всему городу и повторяется каждымъ мальчишкой. Въ рабочей средѣ демонстрація произвела отличное впечатлѣніе. Она подняла духъ рабочихъ и дала имъ увѣренность въ своей силѣ. Бакинскіе рабочіе сразу поднялись въ мнѣніи своемъ и публики и этотъ ростъ тотчасъ же былъ учтенъ жизнью.

1 мая рабочіе на нѣкоторыхъ заводахъ и промыслахъ предъявили администраціи свои требованія и получили удовлетвореніе. Во многихъ же заведеніяхъ рабочіе заявляли администраціи о томъ, что не будутъ работать 1 мая.

---

чужды всякой идеализаціи общины", хотя рядомъ съ этимъ увѣреніемъ вы читаете колоссальное фразерство о „колоссальной организаціи мірского крестьянства", о томъ, что „въ извѣстныхъ отношеніяхъ ни одинъ классъ въ Россіи такъ не подталкивается къ чисто(!) политической борьбѣ, какъ именно крестьянство", что крестьянское самоопредѣленіе(!) своими границами и компетенціей далеко шире земскаго, что это соединеніе „широкой...(до самой околицы?)... самодѣятельности" съ отсутствіемъ „элементарнѣйшихъ гражданскихъ правъ" „точно нарочно было придумано

Еслибы можно было серьезно отнестись къ этой программѣ, то намъ бы пришлось сказать, что, обманывая себя звукомъ словъ, соц.-рев. обманываютъ и крестьянина. Это — обманъ, будто „всевозможныя коопераціи" играютъ революціонную роль въ современномъ обществѣ и подготовляютъ коллективизмъ, а не укрѣпленіе сельской буржуазіи. Это — обманъ, будто какъ „минимумъ", какъ нѣчто столь же близкое, какъ коопераціи, можно ставить въ виду „крестьянства" — соціализацію земли. Всякій соціалистъ пояснилъ бы нашимъ соц.-рев., что уничтоже-

Пусть послужитъ аграрная программа соц.-рев. урокомъ и предостереженіемъ для всѣхъ соціалистовъ, нагляднымъ примѣромъ того, къ чему приводитъ безъидейность и безпринципность, называемыя нѣкоторыми легкомысленными людьми свободой отъ догмы. Какъ только дошло до дѣла, у соц.-рев. не оказалось на лицо ни одного изъ трехъ условій, необходимыхъ для выставленія послѣдовательной соціалистической программы: ни ясной идеи о конечной цѣли, ни правильнаго пониманія того пути, который ведетъ къ этой цѣли, ни точнаго представленія о дѣйств-

2) Медвѣдевъ (унив.), 3) Пивоваровъ (техн.), 4) Куликовскій (техн.); 5) Бебешинъ, 6) Михѣевъ (горн.). Кромѣ того многіе студенты подавали прошеніе о пересмотрѣ ихъ дѣла министру или градоначальнику, и тоже были тотчасъ освобождены.

**Ставрополь.** (Сообщено Ростовской группой „Искры".)

Слухи о крестьянскихъ безпорядкахъ въ Полтавской и Харьковской губ. встревожили Ставропольскаго губернатора, стараго помпадура Никифораки настолько, что онъ подъ шумокъ и со страха началъ распространять слухи о готовящихся демонстраціяхъ въ городѣ Ставрополѣ и его уѣздѣ. Дѣло дошло даже до того, что онъ завелъ въ городѣ совмѣстно съ жандармскимъ ротмистромъ сыскное отдѣленіе, усилилъ количество городовыхъ, а въ началѣ мая задержалъ цѣлый батальонъ солдатъ мѣстнаго резерва для усмиренія якобы готовящихся безпорядковъ и выписалъ цѣлую сотню казаковъ. На вокзалѣ жел. дороги день и ночь сновали городовые и жандармы, своимъ видомъ тревожа искони мирнаго ставропольскаго обывателя. Всякое новое пріѣзжающее въ городъ лицо тщательно на вокзалѣ осматривалось въ виду того, что жандармы и полиція ждали „крамольниковъ" съ вокзала... Такимъ образомъ, мирный пошехонскій городъ Ставрополь въ глазахъ напуганной администраціи явился очагомъ революціи и очутился въ осадномъ положеніи, въ которомъ его держали съ середины апрѣля до іюня мѣсяца. Помпадуры со дня на день ждали возстанія. И, дѣйствительно, Никифораки получалъ все это время угрожающія подметныя письма.

На столбахъ и заборахъ улицъ города появились угрожающія надписи, какъ напр.: „жизнь или смерть". Среди обывателей царитъ паника, а въ предмѣстьи города Каменной Домкѣ, сосредоточіи бѣднѣйшаго населенія города, [illegible] толки о томъ, что нужно перебить всѣхъ чиновниковъ и баръ, что все скоро будетъ по иному и т. д. Словомъ, подъ вліяніемъ дѣйствій напуганной администраціи съ одной стороны, и подъ вліяніемъ проникшихъ въ массы распространяется среди крестьянъ гектографированный листокъ, экземпляръ котораго присланъ въ редакцію. „Каждый экземпляръ читался и перечитывался и производилъ впечатлѣніе. Полиція рыщетъ, какъ сумасшедшая, хватаетъ и держитъ ни въ чемъ неповинныхъ крестьянъ". Большой спросъ на соціальдемократическую литературу.

# ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ

# и

# ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

**Баку**, 3-го мая. Быстро выросшій центръ нефтяной промышленности, Баку еще недавно представлялъ царство исключительныхъ интересовъ биржи и ажіотажа. Магическое слово „фонтанъ" кружило голову всему, имѣвшему то или иное отношеніе къ нефтяной промышленности. А отношеніе имѣлъ почти всякій Бакинскій житель; прямо или косвенно всѣ были заинтересованы въ нефтяныхъ дѣлахъ, всякій надѣялся отвести въ свой каналъ что-нибудь изъ золотого дождя милліоновъ. Деньги лились рѣкой! капиталы наживались и прожигались съ американской быстротой. Напоминаніе объ общечеловѣческихъ интересахъ прозвучало бы рѣзкимъ и смѣшнымъ диссонансомъ въ этомъ царствѣ рыцарей первоначальнаго накопленія. Только жестокія звѣрства въ Турецкой Арменіи на время всколыхнули армянскую часть населенія, и революціонная національно-армянская пропаганда имѣла временный успѣхъ, поддержанный начавшейся эрой преслѣдованій армянскаго языка и національности со стороны русскаго правительства. Съ наступившимъ затишьемъ въ Турецкой Арменіи сошла съ видимой сцены и Армянская Революціонная Партія въ Россіи, какъ партія дѣйствія, сохраняя од- и проч.) что по поводу мартовскихъ арестовъ въ Баку онъ выпустилъ листокъ уже за своею подписью. Въ концѣ апрѣля Комитетомъ были распространенъ: майскій листокъ „Искры", собственный листокъ „Комитета" (печатный), и воззваніе къ обществу (гектогр.) Кромѣ него, циркулировало воззваніе „къ Кавказской интеллигенціи" (гектогр.), выпущенное группой соц.-демокр. Всѣ эти листки разбрасывались, расклеивались на заводскихъ зданіяхъ и на всѣхъ улицахъ и съ жадностью читались всѣмъ населеніемъ безъ различія положеній. Подъ вліяніемъ усиленной устной и печатной агитаціи число желающихъ участвовать въ демонстраціи среди рабочихъ стало сильно возростать и Комитетъ назначилъ ее на 21 апрѣля. Мы не станемъ повторять всѣхъ подробностей ея, описанныхъ въ корреспонденціи рабочаго-участника демонстраціи. Демонстрація вышла менѣе многочисленной, чѣмъ ожидалось: благодаря случайности, знамя развернуто было ранѣе условленнаго времени, и вмѣсто 800 человѣкъ, на которыхъ можно было разсчитывать съ увѣренностью, съ [illegible] Парапета двинулось всего человѣкъ 300. Тѣмъ не менѣе, ее надо признать безусловно удавшейся. Цѣль ея достигнута: повсюду только и разговоровъ, что о демонстраціи; публика, не читавшая еще листковъ, стала усиленно искать ихъ; всѣ удивляются, что въ Баку могла удасться подобная демонстрація. Крикъ „долой самодержавіе" разнесенъ по всему городу и повторяется каждымъ мальчишкой. Въ рабочей средѣ демонстрація произвела отличное впечатлѣніе. Она подняла духъ рабочихъ и дала имъ увѣренность въ своей силѣ. Бакинскіе рабочіе сразу поднялись въ мнѣніи своемъ и публики и этотъ ростъ тотчасъ же былъ учтенъ жизнью.

1 мая рабочіе на нѣкоторыхъ заводахъ и промыслахъ предъявили администраціи свои требованія и получили удовлетвореніе. Во многихъ же заведеніяхъ рабочіе заявляли администраціи о томъ, что не будутъ работать 1 мая.

---

---

чужды всякой идеализаціи общины", хотя рядомъ съ этимъ увѣреніемъ вы читаете колоссальное фразерство о „колоссальной организаціи мірского крестьянства", о томъ, что „въ извѣстныхъ отношеніяхъ ни одинъ классъ въ Россіи такъ не подталкивается къ чисто(!) политической борьбѣ, какъ именно крестьянство", что крестьянское самоопредѣленіе(!) своими границами и компетенціей далеко шире земскаго, что это соединеніе „широкой...(до самой околицы?)... самодѣятельности" съ отсутствіемъ „элементарнѣйшихъ гражданскихъ правъ" „точно нарочно было придумано для того, чтобы... будить и упражнять(!) политическіе инстинкты и навыки общественной борьбы". Не любо — не слушай, а...

„Надо быть слѣпымъ, чтобы не видѣть, насколько легче перейти къ идеѣ соціализаціи земли отъ традицій общиннаго управленія землей". Не наоборотъ-ли, г.г.? Не являются-ли безнадежно слѣпыми и глухими тѣ, кто до сихъ поръ не знаетъ, что именно средневѣковая замкнутость полукрѣпостной общины, раздробляющей крестьянство на крохотные союзы и связывающей по рукамъ и ногамъ сельскій пролетаріатъ, поддерживаетъ традиціи косности, забитости и одичалости? Не побиваете-ли вы сами себя, признавая пользу отхода, который уже на три четверти разрушилъ пресловутую уравнительность общинныхъ традицій и свелъ эти традиціи къ одной полицейской склокѣ.

Программа-минимумъ соц.-рев., будучи основана на вышеразобранной теоріи, является настоящимъ курьезомъ. Два пункта въ этой „программѣ": 1) „соціализація земли т. е. переходъ ея въ собственность всего общества и въ пользованіе трудящихся"; 2) „развитіе въ крестьянствѣ всевозможныхъ видовъ общественныхъ соединеній и экономическихъ коопераций... (для „чисто" политической борьбы?)... для постепеннаго высвобожденія крестьянства изъ подъ власти денежнаго капитала... (подъ власть промышленнаго?)... и для подготовленія грядущаго коллективнаго земледѣльческаго производства". Какъ солнце въ малой каплѣ водъ, отражается въ этихъ двухъ пунктахъ весь духъ современнаго „соціаль-революціонаризма". Въ теоріи — революціонная фраза вмѣсто продуманной и цѣльной системы воззрѣній, на практикѣ — безпомощное подхватываніе того или иного моднаго средства вмѣсто участія въ классовой борьбѣ — вотъ все, что у нихъ есть. Поставить **рядомъ** въ программѣ-**минимумъ**, соціализацію земли и коопераціи, для этого необходимо было, признаемся, рѣдкое гражданское мужество. Наша программа-минимумъ, съ одной стороны—Бабефъ, съ другой—г. Левитскій. Это неподражаемо.

Еслибы можно было серьезно отнестись къ этой программѣ, то намъ бы пришлось сказать, что, обманывая себя звукомъ словъ, соц.-рев. обманываютъ и крестьянина. Это — обманъ, будто „всевозможныя коопераціи" играютъ революціонную роль въ современномъ обществѣ и подготовляютъ коллективизмъ, а не укрѣпленіе сельской буржуазіи. Это — обманъ, будто какъ „минимумъ", какъ нѣчто столь же близкое, какъ коопераціи, можно ставить въ виду „**крестьянства**" — соціализацію земли. Всякій соціалистъ пояснилъ бы нашимъ соц.-рев., что уничтоженіе частной собственности на землю можетъ быть теперь лишь непосредственнымъ преддверіемъ уничтоженія ея вообще, что одна передача земли въ „пользованіе трудящихся" еще не удовлетворила бы пролетаріатъ, ибо милліоны и десятки милліоновъ разореннаго крестьянства не въ состояніи уже вести хозяйства на землѣ, даже если бы она у нихъ была. А снабженіе этихъ разоренныхъ милліоновъ орудіями, скотомъ и пр. было бы уже соціализаціей всѣхъ средствъ производства и требовало бы соціалистической революціи пролетаріата, а не крестьянскаго движенія противъ остатковъ крѣпостничества. Соц.-рев. смѣшиваютъ соціализацію земли съ ея буржуазной національзаціей. Эта послѣдняя мыслима, говоря абстрактно, и на базисѣ капитализма, безъ уничтоженія наемнаго труда. Но именно примѣръ тѣхъ же соц.-рев. наглядно подтверждаетъ ту истину, что выдвигать требованіе національзаціи земли въ полицейскомъ государствѣ значитъ затемнять единственно революціонный принципъ классовой борьбы и подливать воду на мельницу всякой казенщинѣ.

Мало того; соц.-рев. спускаются и до прямой реакціонности, когда возстаютъ противъ требованія проэкта нашей программы: „отмѣна всѣхъ законовъ, стѣсняющихъ крестьянина въ распоряженіи его землей". Во имя народническаго предразсудка объ „общинномъ началѣ" и „уравнительномъ принципѣ" они отказываютъ крестьянину въ такомъ „элементарнѣйшемъ гражданскомъ правѣ", какъ право распоряжаться своей землей, они благодушно закрываютъ глаза на сословную замкнутость дѣйствительной общины, они становятся защитниками полицейскихъ запрещеній, установленныхъ и поддерживаемыхъ „государствомъ"... земскихъ начальниковъ! Мы думаемъ, что не только г. Левитскій, но и г. Побѣдоносцевъ не очень испугаются требованія соціализаціи земли для уравнительнаго пользованія ею, разъ это требованіе выдвигается какъ минимумъ, наряду съ которымъ фигурируютъ и коопераціи и защита полицейскаго прикрѣпленія мужика къ обезпечивающему его казенному надѣлу.

Пусть послужитъ аграрная программа соц.-рев. урокомъ и предостереженіемъ для всѣхъ соціалистовъ, нагляднымъ примѣромъ того, къ чему приводитъ безъидейность и безпринципность, называемая нѣкоторыми легкомысленными людьми свободой отъ догмы. Какъ только дошло до дѣла, у соц.-рев не оказалось на лицо ни одного изъ трехъ условій, необходимыхъ для выставленія послѣдовательной соціалистической программы: ни ясной идеи о конечной цѣли, ни правильнаго пониманія того пути, который ведетъ къ этой цѣли, ни точнаго представленія о дѣйствительномъ положеніи дѣлъ въ данный моментъ и о ближайшихъ задачахъ этого момента. Конечную цѣль соціализма они только затемнили, смѣшавъ соціализацію земли съ ея буржуазной національзаціей, спутавъ примитивную крестьянскую идею о мелкомъ уравнительномъ землепользованіи съ ученіемъ современнаго соціализма о переходѣ всѣхъ средствъ производства въ общественную собственность и объ организаціи соціалистическаго производства. Ихъ представленіе о пути, ведущемъ къ соціализму, безподобно характеризуется замѣной классовой борьбы развитіемъ коопераций. Въ оцѣнкѣ даннаго момента аграрной эволюціи Россіи они забыли мелочь: остатки крѣпостничества, давящіе нашу деревню. Знаменитая троица, выражавшая ихъ теоретическіе взгляды: интеллигенція, и пролетаріатъ, и крестьянство — дополнилась не менѣе знаменитой „программной" троицей: соціализація земли — коопераціи — прикрѣпленіе къ надѣлу.

Сравните съ этимъ программу Искры, которая указываетъ единую конечную цѣль всему борющемуся пролетаріату, не сводя ее до „минимума", не принижая ее ради приспособленія къ идеямъ нѣкоторыхъ неразвитыхъ слоевъ пролетаріата или мелкихъ производителей. Путь для достиженія этой цѣли одинъ и въ городѣ и въ деревнѣ—классовая борьба пролетаріата противъ буржуазіи. Но кромѣ этой классовой борьбы продолжаетъ еще вестись въ нашей деревнѣ и другая: борьба всего крестьянства противъ остатковъ крѣпостничества. И въ **этой** борьбѣ партія пролетаріата обѣщаетъ свою поддержку **всему** крестьянству, стараясь указать настоящую цѣль его революціонному порыву, направить его возстаніе противъ его настоящаго врага, считая нечестнымъ и недостойнымъ относиться къ мужику, какъ къ подопечному, скрывать отъ него, что онъ можетъ добиться въ настоящее время и немедленно только полной отмѣны всѣхъ слѣдовъ и остатковъ крѣпостничества, только очищенія пути для болѣе широкой и болѣе трудной борьбы всего пролетаріата противъ всего буржуазнаго общества.

Въ Батумѣ ликуютъ; по просьбѣ Ротшильда вызваны изъ деревень рабочіе (1500ч.), высланные въ февралѣ административнымъ порядкомъ. Вернувшись въ городъ, рабочіе предъявили требованія: освобожденіе арестованныхъ, обезпеченіе семействъ убитыхъ и раненыхъ, уплата жалованья за 3 мѣсяца, сокращеніе на полъ часа раб. дня, удаленіе шпіоновъ и взяточниковъ — приказчиковъ, увеличеніе заработной платы, сокращеніе дѣтскаго труда до 6ч. и пр. 3 недѣли вызванные рабочіе не соглашались приступить къ работѣ. 22-го іюня требованія (почти всѣ) удовлетворены. Началась стачка на заводѣ Хачатурова (300чел.). Требованія тѣ-же. Заводъ Манташева удовлетворилъ стачечниковъ еще въ мартѣ. Батумская группа (соц.-дем.) выпустила съ начала событій рядъ листковъ на грузинскомъ яз. (печатныхъ).

**Симферополь, 26 іюня.** За послѣднее время по всѣмъ городамъ Крыма возникаютъ новыя и возстановляются прежде существовавшія соц.-демократическія рабочія организаціи. Сравнительное обиліе интеллигенціи; сравнительно высокій культурный уровень рабочей среды; отсутствіе крупной промышленности и, слѣдовательно, массовой агитаціи; наконецъ, либеральныя традиціи въ буржуазномъ обществѣ, издавна отличавшія Крымъ, — все это указываетъ на ту спеціальную функцію, которую должны взять на себя и въ состояніи осуществить крымскія организаціи: сдѣлаться поставщикомъ для Южной Россіи передовыхъ рабочихъ-агитаторовъ и руководителей массоваго движенія. Быстро разростающееся движеніе въ большихъ городахъ въ связи съ цѣлымъ рядомъ техническихъ и случайныхъ затрудненій до крайности затрудняютъ постановку тамъ правильной пропаганды. Слѣдствіемъ является отсутствіе вожаковъ у рабочей массы, поверхностность ихъ — со всѣми вытекающими отсюда печальными послѣдствіями вродѣ пріостановки движенія изъ-за арестовъ нѣсколькихъ передовыхъ рабочихъ. Намъ недостаетъ постоянно функціонирующей „школы соціализма", лабораторіи революціонеровъ — и Крымъ, по мѣстнымъ условіямъ, можетъ восполнить этотъ пробѣлъ. Крымскимъ организаціямъ надо только тѣснѣй сплотиться, устраняя элементъ случайности изъ своей работы, совмѣстными силами обезпечивая правильное питаніе мѣстнаго движенія и ведя по общему плану и подъ взаимнымъ контролемъ пропаганду соціализма и „практическія революціонныя занятія" (такъ называютъ рабочіе бесѣды объ агитаціи, о тактическихъ вопросахъ и о такихъ вопросахъ русской жизни, какъ финансовая политика или земскій вопросъ.). Думается, что при незначительности Крымскихъ разстояній и при назрѣвшей уже потребности разрѣшеніе этого вопроса не заставитъ себя долго ждать.

Пока же, въ виду того, что въ „Искрѣ" не бывало еще корреспонденцій отъ насъ, слѣдуетъ отмѣтить, что у насъ вообще дѣлалось за послѣднее время. Въ Симферополѣ листки мѣстной организаціи были выпускаемы (въ гектографированномъ видѣ): 1) по поводу 19-го февр. — на тему о классовомъ антагонизмѣ, о силѣ народныхъ массъ и необходимости политической свободы. 2) 4-го марта объ общихъ причинахъ демонстрацій и ихъ значеніи; 3) 27-го марта — обозрѣніе и оцѣнка событій за послѣдній мѣсяцъ — выстрѣлъ Алларта, ссылка въ Сибирь 95 студентовъ и т. п. 4) майскій листокъ; 5) 13-го мая, по поводу казни Балмашева и выстрѣла Леккерта — за подписью „Симферопольскій Соц.-демократ. Рабочій Союзъ". Прокламаціи распространялись обыкновенно путемъ передачи изъ рукъ въ руки (чтобы не поднимать очень большого шуму), а разбрасывались и расклеивались только 2 раза: съ 5-го на 6-е мая (200 шт.) и 13-го мая — 500 штукъ.

Начальство это выступленіе наше на свѣтъ Божій „поразило въ самое сердце" и оно приняло такія мѣры: 1) рядъ обысковъ и арестовъ, все неудачныхъ, все не по адресу организаціи. Къ нѣкоторымъ, являясь съ обыскомъ, заявляли: „дайте намъ прокламаціи и мы уйдемъ;" 2) рядъ мѣръ для охраны улицъ на случай демонстраціи: впервые на улицахъ Симферополя появились конные и пѣшіе городовые (нагайкой они проломили голову одному рабочему); городовыхъ и шпіоновъ понаставили столько, что прямо непонятно, откуда они столько взяли, усилили штатъ жандармовъ и наконецъ — вѣнецъ всему! — жандармскій генералъ Трубниковъ, какъ онъ самъ разсказывалъ, выпросилъ у корпуснаго командира, чтобы рота солдатъ „гуляла въ публикѣ" въ день традиціоннаго здѣсь праздника весны — съ тѣмъ, чтобы по свистку бить демонстрантовъ, буде они окажутся; 3) затѣмъ послѣ разброски прокламацій 6-го мая, по свидѣтельству архіепископа Николая и полицмейстера Кузменко, были установлены ночные посты 60 городовыхъ и облавы по ночамъ на прохожихъ, напр. на Садовой улицѣ — и несмотря на это, 13 мая было расклеено и разбросано еще 500 „вареничковъ", какъ ихъ у насъ называютъ за трехугольный видъ (съ красной ленточкой); никто при этомъ не попался, также никого не задержали и шпіоны, разставленные было (на ночь) у почтовыхъ ящиковъ (интеллигенціи прокламаціи разсылались): 4) съ 6-го мая двѣ недѣли въ казармахъ съ офицерами дежурили солдаты Литовскаго полка (двѣ роты), получившіе по 4 холостыхъ и 16 боевыхъ зарядовъ — на случай „бунта", котораго ждали, то къ царскому рожденью, то къ царскимъ именинамъ. 5) Кромѣ этихъ мѣръ, ничѣмъ не отличающихся отъ обычныхъ мѣръ нашей бюрократіи, чувствующей себя такъ непрочно, что боится погибнуть отъ нѣсколькихъ прокламацій, у насъ г. губернаторъ выдумалъ нѣчто оригинальное. Именно, онъ обратился къ содѣйствію духовенства. 4-го мая въ Александро-Невскомъ Соборѣ о. протоіерей Тяжеловъ произнесъ полуторачасовую рѣчь, въ которой полемизировалъ... съ нашими прокламаціями. Одинъ перлъ изъ его рѣчи необходимо сохранить для потомства въ дословномъ видѣ: „не вѣрьте, сказалъ онъ, что царь — врагъ народа и что вы должны уничтожить его власть. Это все вамъ пишутъ волки въ овечьихъ шкурахъ. Вѣдь царь — помазанникъ Божій, и, еслибы онъ былъ противъ народа, — Богъ бы его не помазалъ!" Изъ другихъ святыхъ отцовъ отличался самъ преосв. Николай, говорившій на выпускныхъ экзаменахъ въ семинаріи и гимназіи. Въ семинаріи онъ говорилъ о „нахальствѣ агитаторовъ", дерзающихъ подъ носомъ 60 городовыхъ раскидывать свои листки и якобы закидывающихъ свои сѣти даже въ семинарію, а въ гимназіи Его Преосвященство сообщилъ, что онъ тоже читаетъ нелегальныя изданія, но только надо „относиться къ нимъ критически". 6) Наконецъ, губернаторъ призывалъ къ себѣ ремесленнаго голову Петрова и просилъ его „повліять на рабочихъ" и „присмотрѣть" за ними. Но въ этомъ отношеніи онъ напрасно безпокоился — на нихъ успѣли уже „повліять" прокламаціи, а ко всякимъ „присматриваніямъ" они привыкли настолько, что какъ ни старалась жандармерія и полиція, но никого изъ рабочаго союза не заарестовали.

Не имѣя сейчасъ возможности писать также и о другихъ городахъ Крыма, упомяну только, что майскіе листки соц.-демократическихъ организацій, кромѣ Симферополя, были также въ Севастополѣ, Ялтѣ, Мелитополѣ, Евпаторіи, Ѳеодосіи и Керчи.

# ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

**Изъ западно-европейскаго рабочаго движенія.**

На недавно происходившемъ съѣздѣ голландской соціаль-де-

ціаль-демократія не должна изъ-за богословскихъ споровъ разрушать экономическое единство рабочаго класса, борющагося безразлично съ вѣрующими и невѣрующими капиталистами.

„Конгрессъ требуетъ, чтобы матеріальное положеніе учителей, независимость которыхъ должна быть гарантирована государствомъ, было одинаково въ церковныхъ и свѣтскихъ школахъ и чтобы родители были свободны въ выборѣ школы.

„Только при выполненіи всей этой программы цѣликомъ конгрессъ даетъ согласіе на такія мѣропріятія, которыя будутъ имѣть своимъ слѣдствіемъ уравненіе церковной школы со свѣтской".

Наши голландскіе товарищи, повидимому, почувствовали, что въ этой резолюціи не все обстоитъ благополучно и поспѣшили дать намъ по этому поводу свое объясненіе. Дѣло, оказалось, состояло въ слѣдующемъ: въ Голландіи давно уже идетъ борьба между либеральной крупной буржуазіей и реакціонно-клерикальной партіей, въ составъ которой входятъ мелкіе ремесленники, мелкіе и крупные землевладѣльцы. Либеральная партія, достигши власти, позаботилась объ устройствѣ хорошей народной школы. Въ 1878 году ею былъ проведенъ законъ, лишившій церковныя школы государственной субсидіи. Реакціонеры воспользовались этимъ закономъ для своей агитаціи и имъ удалось на частныя средства религіозныхъ родителей даже увеличить число церковныхъ школъ, а также число учениковъ въ нихъ. Достигши вновь власти, клерикалы опять въ 1889 году издали законъ о государственномъ пособіи церковной школѣ. Теперь голландскимъ соціаль-демократическимъ депутатамъ въ палатѣ приходилось высказаться по этому вопросу. Они обратились за совѣтомъ къ своей партіи и мы видѣли, какой отвѣтъ она имъ дала.

Наиболѣе существенный доводъ въ пользу резолюціи заключается, конечно, въ слѣдующихъ словахъ: „Соціаль-демократія не должна изъ-за богословскихъ споровъ разрушать экономическое единство рабочаго класса, борющагося безразлично съ вѣрующими и невѣрующими капиталистами". Ставить вопросъ такимъ образомъ, значитъ не дѣлать никакого различія между политической партіей и профессіональнымъ союзомъ. Послѣдній имѣетъ другія задачи и многіе вопросы рѣшаетъ иначе, чѣмъ политическая партія. Ниже мы увидимъ, какъ данный вопросъ рѣшается профессіональными союзами. Что касается соціаль-демократической партіи, то она стоитъ передъ фактомъ разъединенія рабочаго класса, — фактомъ, не ею созданнымъ, и она обязана стремиться организовать и объединить его на почвѣ своихъ принциповъ. Никакія соображенія объ экономическомъ единствѣ между вѣрующими и невѣрущими рабочими не могутъ заставить ее отказаться отъ своего принципіальнаго требованія — отдѣленія церкви отъ государства и школы отъ церкви. Клерикалы отлично понимаютъ значеніе школы для своего политическаго вліянія и стараются удержать ее въ своихъ рукахъ, а соціаль-демократы, утверждающіе, что они стремятся къ освобожденію народа отъ всѣхъ формъ рабства, какъ экономическаго, такъ и идейнаго, заявляютъ свою готовность продлить еще на неопредѣленное время вліяніе отживающаго міросозерцанія!

Выше было сказано, что профессіональные союзы имѣютъ задачи, отличныя отъ задачъ политической партіи, и потому иначе рѣшаютъ многіе вопросы. Профессіональный союзъ имѣетъ цѣлью улучшеніе положенія рабочихъ при данномъ экономическомъ строѣ. Къ борьбѣ за сокращеніе рабочаго дня и увеличеніе заработной платы сводится наиболѣе существенная часть дѣятельности такого союза. Понятно, что цѣли профессіональнаго союза могутъ одинаково признаваться и соціалистами и ихъ противниками, людьми религіозными и невѣрующими и т. д и т. д. Болѣе того: профессіональный союзъ заинтересованъ въ привлеченіи возможно большаго числа членовъ, такъ какъ это дѣлаетъ его болѣе сильнымъ и болѣе стойкимъ. Политическая же партія имѣетъ цѣлью ниспроверженіе существующаго порядка вещей, ея члены должны быть связаны между собой общностью міросозерцанія, общностью программы. Ея вліяніе на массу больше зависитъ отъ яснаго пониманія ея членами и отъ проведенія ими на практикѣ принциповъ партіи, чѣмъ отъ количества ея членовъ. Такъ напр., въ занимавшемъ насъ выше вопросѣ всѣ члены соціаль-демократической партіи должны признавать и умѣть отстаивать тотъ пунктъ ея программы, въ которомъ говорится объ отдѣленіи церкви отъ государства; члены же профессіональныхъ союзовъ могутъ быть разныхъ взглядовъ на этотъ вопросъ. Это-то и принято называть нейтральностью профессіональныхъ союзовъ.

Однако, не всѣ одинаково понимаютъ эту нейтральность. Дѣло въ томъ, что въ нѣкоторыхъ европейскихъ странахъ профессіональное движеніе возникло сравнительно позже соціаль-демократической партіи и создано членами это партіи и благодаря ея дѣятельности въ парламентѣ и въ странѣ. Въ этихъ случаяхъ профессіональные союзы являются плотью отъ плоти соціаль-демократической партіи. Нейтральность союзовъ состоитъ въ томъ, что они принимаютъ въ число своихъ членовъ и не соціаль-демократовъ, но всѣмъ хорошо извѣстно, что союзы эти имѣютъ соціаль-демократическій характеръ: они являются для многихъ рабочихъ лишь подготовительной школой къ соціаль-демократіи, точно также какъ и наоборотъ, большинство рабочихъ, состоящихъ членами соціаль-демократической партіи, входятъ въ составъ профессіональныхъ союзовъ.

Эта взаимная связь двухъ теченій, подкрѣпляющихъ и дополняющихъ другъ друга является бѣльмомъ на глазу для тѣхъ людей, которые хотѣли бы лишить европейское рабочее движеніе его революціоннаго характера. Отсюда же исходитъ проповѣдь особаго рода нейтральности, подъ которой эти новые друзья рабочаго класса подразумѣваютъ отреченіе профессіональныхъ союзовъ отъ соціальдемократіи и созданіе организаціи, подобной англійскимъ трэдъюніонамъ, которые не занимаются политикой или вѣрнѣе занимаются ею спорадически, когда это понадобится тому или другому цеху, той или другой профессіи. Принципіальной борьбы соціаль-демократической партіи, отстаивающей интересы всего рабочаго класса, эти сторонники соціальной реформы, какъ они себя называютъ, знать не хотятъ.

На происходившемъ 16-21 іюня въ Штутгартѣ съѣздѣ германскихъ профессіональныхъ союзовъ, эти фальшивые друзья получили надлежащій отвѣтъ на всѣ свои заигрыванія: большинство ораторовъ на съѣздѣ старались подчеркнуть единство германскаго рабочаго движенія и связь профессіональныхъ союзовъ съ соціаль-демократической партіей.

Эта связь сказалась не только въ рѣчахъ, но и въ духѣ принятыхъ на конгрессѣ резолюцій. Такъ, напримѣръ, по вопросу о работѣ на дому конгрессъ высказался за желательность совершеннаго запрещенія такой работы, дающей возможность предпринимателямъ прибѣгать къ наихудшимъ формамъ эксплуатаціи преимущественно женскаго и дѣтскаго труда. Въ видѣ переходныхъ мѣръ конгрессъ требуетъ распространенія на этого рода работы всѣхъ постановленій фабричнаго законодательства, подчиненія ихъ контролю фабричныхъ инспекторовъ, запрещенія дѣтскаго труда, запрещенія работать по ночамъ, по воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ, санитарнаго надзора за мастерскими и строгихъ наказаній за нарушеніе всѣхъ относящихся сюда постановленій.

Далѣе, конгрессъ высказался за необходимость болѣе ...

уничтоженія работы на дому. Только мужчинамъ слѣдуетъ запретить заниматься такой работой". „Женщины должны создавать особыя организаціи, отдѣльныя отъ мужчинъ, но подъ верховнымъ руководствомъ мужскихъ организацій"... „Слѣдуетъ окончательно запретить замужнимъ женщинамъ работать на фабрикахъ". И т. д. И т. д. Одинъ англійскій соціалистъ, присутствовавшій на Штуттгартскомъ конгрессѣ, былъ очень удивленъ, что въ Германіи существуютъ христіанскіе профессіональные союзы. „Я не могу понять — сказалъ онъ въ разговорѣ съ корреспондентомъ одной нѣмецкой соціаль-демократической газеты — какая связь существуетъ между религіей и профессіональными интересами. Вѣдь рабочіе соединяются не изъ-за церковныхъ, а изъ-за матеріальныхъ причинъ. Фабрика и церковь двѣ вполнѣ различныя вещи. Товары производятся не для протестантовъ, католиковъ и т. д., а для людей, имѣющихъ деньги". Тѣмъ не менѣе, такіе союзы существуютъ на континентѣ въ сравнительно большомъ количествѣ, и созданы они большею частью различными политическими партіями, стремящимися сохранить свое вліяніе на рабочихъ и не дать имъ уйти въ соціаль-демократическій лагерь. Является вопросъ, какъ быть съ такими организаціями, въ какое отношеніе къ нимъ встать.

Рѣшеніемъ этого вопроса пришлось, между прочимъ, заняться международному конгрессу рабочихъ текстильной промышленности, собиравшемуся въ Цюрихѣ (2-6-го іюня). На этотъ конгрессъ явилось 3 представителя отъ христіанскихъ профессіональныхъ союзовъ, открыто враждовавшихъ и даже вредившихъ профессіональнымъ союзамъ другого направленія. Въ виду этого конгрессомъ была единогласно принята слѣдующая резолюція, устанавливающая условія допущенія на будущіе конгрессы: „Засѣдающій въ Цюрихѣ 5-й международный конгрессъ рабочихъ текстильной промышленности принимаетъ къ свѣдѣнію тотъ фактъ, что въ нѣкоторыхъ странахъ существуютъ профессіональные союзы, называющіе себя желтыми (во Франціи), христіанскими или смѣшанными (т. е. состоящими изъ предпринимателей и рабочихъ) и основанные лишь съ цѣлью затруднить чисто рабочую профессіональную пропаганду. Конгрессъ рѣшаетъ не допускать на будущіе конгрессы представителей указанныхъ союзовъ, такъ какъ они являются представителями международнаго союза рабочихъ, стоящихъ на точкѣ зрѣнія классовой борьбы. Конгрессъ приглашаетъ всѣхъ рабочихъ, каковы бы ни были ихъ религіозныя и политическія убѣжденія, создавать профессіональныя организаціи для борьбы съ произволомъ предпринимателей за свое окончательное освобожденіе".

Укажемъ еще на нѣкоторыя другія рѣшенія этого конгреса, имѣющія общій интересъ. Рѣшено добиваться запрещенія сверхурочныхъ работъ и боротся за постепенное сокращеніе рабочаго дня до 8-ми часовъ. Постановлено учредить международный стачечный фондъ, и принята резолюція, обязывающая всѣхъ организованныхъ ткачей и прядильщиковъ при выборахъ голосовать только за такихъ кандидатовъ, которые заявятъ свою готовность поддерживать въ парламентѣ рѣшенія конгресса.

Рѣшеніе, сходное съ послѣднимъ, было принято и на международномъ (13-мъ) съѣздѣ горнорабочихъ въ Дюссельдорфѣ (16-23 мая). Одинъ австрійскій делегатъ пошелъ даже еще далѣе и требовалъ, чтобы избирали только кандидатовъ, выставляемыхъ соціаль-демократической партіей, но въ виду отсутствія въ Англіи такого единства между соціаль-демократіей и трэдъюніонизмомъ пришлось ограничиться болѣе общимъ рѣшеніемъ. А, между тѣмъ, оно имѣло въ виду, главнымъ образомъ, Англію, гдѣ еще недавно представитель рабочихъ вотировалъ въ парламентѣ противъ закона о 8-ми часовомъ рабочемъ днѣ для горнорабочихъ. Даже на самомъ конгрессѣ трое англійскихъ делегатовъ, изъ которыхъ одинъ оказался членомъ парламента, вотировали противъ распространенія закона о восьмичасовомъ рабочемъ днѣ на тѣхъ горныхъ рабочихъ, которые работаютъ на поверхности земли. Неудивительно, что этотъ цеховой эгоизмъ англійскихъ трэдъюніонистовъ вызвалъ самую рѣзкую отповѣдь со стороны другихъ делегатовъ. „Еслибы — сказалъ одинъ изъ нихъ — кто-нибудь изъ нашихъ вождей позволилъ себѣ что-нибудь подобное, то онъ былъ бы выкинутъ изъ организаціи".

Къ другимъ рѣшеніямъ Дюссельдорфскаго конгресса мы надѣемся еще вернуться.

# ИЗЪ ПАРТІИ.

Харьковскій Комитетъ Партіи слился съ мѣстнымъ „Союзомъ Борьбы за Осв. Раб. Класса" и принялъ двойное названіе: Харьк. Ком. Р. С.-Д. Р. П. — Союзъ Борьбы" и т. д. Сформировавшійся въ Полтавѣ Комитетъ Партіи выпустилъ 2 (гектогр.) прокламаціи къ рабочимъ — одну о стачечной борьбѣ, а другую — о политической свободѣ.

Тверская организація преобразовалась въ Комитетъ Партіи и издала по этому поводу слѣдующую прокламацію:

Съ 1-го мая настоящаго года Тверская Группа Рос. С.-Д. Р. П. приняла названіе Комитета. Этимъ шагомъ мѣстная организація окончательно включаетъ себя въ составъ большого организованнаго цѣлаго — Рос. Соц.-дем. Партіи, изъ чего вытекаетъ обязанность ея во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ руководиться тѣми тактическими принципами, которые получили партійную санкцію, — право автономнаго рѣшенія только тѣхъ вопросовъ, которые носятъ исключительно мѣстный характеръ. Таковы съ принципіальной точки зрѣнія послѣдствія принятія Группой формы Комитета, ячейки партійной организаціи.

Въ настоящее время русскимъ соц.-демократическимъ организаціямъ нельзя ограничиться простымъ заявленіемъ о принадлежности къ дѣйствующей въ Россіи Соц.-Дем. Партіи вообще. Неизбѣжныя въ каждомъ живомъ дѣлѣ теоретическія и практическія разногласія создали расколъ между борящимися подъ однимъ знаменемъ организаціями и ихъ литературными органами. Примирить эти разногласія, установить единую точку зрѣнія на спорные вопросы и властнымъ словомъ прекратить состояніе партійной анархіи — дѣло всей партіи и ея компетентнаго органа — съѣзда. Но пока это слово не сказано, всякая вновь возникающая въ Россіи организація должна, хотя бы въ краткой формѣ, установить то или иное отношеніе къ спорющимъ сторонамъ. Эту — и только эту — цѣль преслѣдуетъ настоящій листокъ.

Тверской Комитетъ примыкаетъ къ программѣ „Искры" и считаетъ ея освѣщеніе современныхъ намъ событій наиболѣе правильнымъ. Задача объединенія партійныхъ силъ въ виду мобилизировавшаго всѣ свои силы самодержавія; задача созданія удовлетворяющаго и количественно и качественно потребности момента — печатнаго органа, который разнесъ бы во всѣ концы Русской Земли искры революціоннаго пожара и стянулъ бы всѣхъ протестантовъ подъ красное знамя соціальдемократіи, короче, огромная работа — сплоченіе всѣхъ революціонныхъ силъ для рѣшительнаго натиска на русскій политическій строй и передача революціонной гегемоніи въ руки русскаго пролетаріата и его естественной руководительницы — соц.-дем. партіи — вотъ насущныя требованія переживаемаго нами момента. Внести свою долю труда должна и всякая мѣстная организація; по мѣрѣ силъ и возможности Тверской Комитетъ постарается выполнить это.

послѣдствіями вродѣ пріостановки движенія изъ-за арестовъ нѣсколькихъ передовыхъ рабочихъ. Намъ недостаетъ постоянно функціонирующей „школы соціализма", лабораторіи революціонеровъ—и Крымъ, по мѣстнымъ условіямъ, можетъ восполнить этотъ пробѣлъ. Крымскимъ организаціямъ надо только тѣснѣй сплотиться, устраняя элементъ случайности изъ своей работы, совмѣстными силами обезпечивая правильное питаніе мѣстнаго движенія и ведя по общему плану и подъ взаимнымъ контролемъ пропаганду соціализма и „практическія революціонныя занятія" (такъ называютъ рабочіе бесѣды объ агитаціи, о тактическихъ вопросахъ и о такихъ вопросахъ русской жизни, какъ финансовая политика или земскій вопросъ.). Думается, что при незначительности Крымскихъ разстояній и при назрѣвшей уже потребности разрѣшеніе этого вопроса не заставитъ себя долго ждать.

Пока же, въ виду того, что въ „Искрѣ" не бывало еще корреспонденціи отъ насъ, слѣдуетъ отмѣтить, что у насъ вообще дѣлалось за послѣднее время. Въ Симферополѣ листки мѣстной организаціи были выпускаемы (въ гектографированномъ видѣ): 1) по поводу 19-го февр.—на тему о классовомъ антагонизмѣ, о силѣ народныхъ массъ и необходимости политической свободы. 2) 4-го марта объ общихъ причинахъ демонстрацій и ихъ значеніи; 3) 27-го марта—обозрѣніе и оцѣнка событій за послѣдній мѣсяцъ—выстрѣлъ Алларта, ссылка въ Сибирь 95 студентовъ и т. п. 4) майскій листокъ; 5) 13-го мая, по поводу казни Балмашева и выстрѣла Леккерта—за подписью „Симферопольскій Соц.-демократ. Рабочій Союзъ". Прокламаціи распространялись обыкновенно путемъ передачи изъ рукъ въ руки (чтобы не подымать очень большого шуму), а разбрасывались и расклеивались только 2 раза: съ 5-го на 6-е мая (200 шт.) и 13-го мая—300 штукъ.

Начальство это выступленіе наше на свѣтъ Божій „поразило въ самое сердце" и оно приняло такія мѣры: 1) рядъ обысковъ и арестовъ, все неудачныхъ, все не по адресу организаціи. Къ нѣкоторымъ, являясь съ обыскомъ, заявляли: „дайте намъ прокламаціи и мы уйдемъ:" 2) рядъ мѣръ для охраны улицъ на случай демонстраціи: впервые на улицахъ Симферополя появились конные и пѣшіе городовые (нагайкой они проломили голову одному рабочему); городовыхъ и шпіоновъ понаставили столько, что прямо непонятно, откуда они столько взяли, усилили штатъ жандармовъ и наконецъ--вѣнецъ всему!--жандармскій генералъ Трубниковъ, какъ онъ самъ разсказывалъ, выпросилъ у корпуснаго командира, чтобы рота солдатъ „гуляла въ публикѣ" въ день традиціоннаго здѣсь праздника весны-- съ тѣмъ, чтобы по свистку бить демонстрантовъ, буде они окажутся; 3) затѣмъ послѣ разброски прокламацій 6-го мая, по свидѣтельству архіепископа Николая и полицмейстера Кузменко, были установлены ночные посты 60 городовыхъ и облавы по ночамъ на прохожихъ напр. на Садовой улицѣ---и несмотря на это, 13 мая было расклеено и разбросано еще 500 „вареничковъ", какъ ихъ у насъ называютъ за трехугольный видъ (съ красной ленточкой); никто при этомъ не попался, также никого не задержали и шпіоны, разставленные было (на ночь) у почтовыхъ ящиковъ (интеллигенціи прокламаціи разсылались): 4) съ 6-го мая двѣ недѣли въ казармахъ съ офицерами дежурили солдаты Литовскаго полка (двѣ роты), получившіе по 4 холостыхъ и 16 боевыхъ зарядовъ--на случай „бунта", котораго ждали, то къ царскому рожденью, то къ царскимъ именинамъ. 5) Кромѣ этихъ мѣръ, ничѣмъ не отличающихся отъ обычныхъ мѣръ нашей бюрократіи, чувствующей себя такъ непрочно, что боится погибнуть отъ нѣсколькихъ прокламацій, у насъ г. губернаторъ выдумалъ нѣчто оригинальное. Именно, онъ обратился къ содѣйствію духовенства. 14-го мая въ Александро-Невскомъ Соборѣ о. протоіерей Тяжеловъ произнесъ полуторачасовую рѣчь, въ которой полемизировалъ... съ нашими прокламаціями. Одинъ перлъ изъ его рѣчи необходимо сохранить для потомства въ дословномъ видѣ: „не вѣрьте, сказалъ онъ, что царь—врагъ народа и что вы должны уничтожить его власть. Это все вамъ пишутъ волки въ овечьихъ шкурахъ. Вѣдь царь—помазанникъ Божій, и, еслибы онъ былъ противъ народа,—Богъ бы его не помазалъ!" Изъ другихъ святыхъ отцовъ отличался самъ преосв. Николай, говорившій на выпускныхъ экзаменахъ въ семинаріи и гимназіи. Въ семинаріи онъ говорилъ о „нахальствѣ агитаторовъ", дерзающихъ подъ носомъ 60 городовыхъ раскидывать свои листки и якобы закидывающихъ свои сѣти даже въ семинарію, а въ гимназіи Его Преосвященство сообщилъ, что онъ тоже читаетъ нелегальныя изданія, но только надо „относиться къ нимъ критически". 6) Наконецъ, губернаторъ призывалъ къ себѣ ремесленнаго голову г. Петрова и просилъ его „повліять на рабочихъ" и „присмотрѣть" за ними. Но въ этомъ отношеніи онъ напрасно безпокоился---на нихъ успѣли уже „повліять" прокламаціи, а ко всякимъ „присматриваніямъ" они привыкли настолько, что какъ ни старалась жандармерія и полиція, но никого изъ рабочаго союза не заарестовали.

Не имѣя сейчасъ возможности писать также и о другихъ городахъ Крыма, упомяну только, что майскіе листки соц.-демократическихъ организацій, кромѣ Симферополя, были также въ Севастополѣ, Ялтѣ, Мелитополѣ, Евпаторіи, Өеодосіи и Керчи.

# ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

**Изъ западно-европейскаго рабочаго движенія.**

На недавно происходившемъ съѣздѣ голландской соціаль-демократической партіи, между прочимъ, была принята слѣдующая резолюція (большинствомъ 72 противъ 23 голосовъ):

„Конгрессъ выражаетъ желаніе, чтобы государство взяло на себя заботу о всеобщемъ, обязательномъ и даровомъ народномъ образованіи.

„Конгрессъ полагаетъ, что необходимо на средства государства поднять уровень преподаванія въ народныхъ школахъ и поставить ихъ подъ контроль педагоговъ-спеціалистовъ.

„Констатируя, что большая часть рабочаго класса Голландіи требуетъ для своихъ дѣтей религіознаго образованія, конгрессъ не видитъ необходимости сопротивляться этому, потому что со-

Наиболѣе существенный доводъ въ пользу резолюціи заключается, конечно, въ слѣдующихъ словахъ: „Соціаль-демократія не должна изъ-за богословскихъ споровъ разрушать экономическое единство рабочаго класса, борющагося безразлично съ вѣрующими и невѣрующими капиталистами". Ставить вопросъ такимъ образомъ, значитъ не дѣлать никакого различія между политической партіей и профессіональнымъ союзомъ. Послѣдній имѣетъ другія задачи и многіе вопросы рѣшаетъ иначе, чѣмъ политическая партія. Ниже мы увидимъ, какъ данный вопросъ рѣшается профессіональными союзами. Что касается соціаль-демократической партіи, то она стоитъ передъ фактомъ разъединенія рабочаго класса, — фактомъ, не ею созданнымъ, и она обязана стремиться организовать и объединить его на почвѣ своихъ принциповъ. Никакія соображенія объ экономическомъ единствѣ между вѣрующими и невѣрущими рабочими не могутъ заставить ее отказаться отъ своего принципіальнаго требованія — отдѣленія церкви отъ государства и школы отъ церкви. Клерикалы отлично понимаютъ значеніе школы для своего политическаго вліянія и стараются удержать ее въ своихъ рукахъ, а соціаль-демократы, утверждающіе, что они стремятся къ освобожденію народа отъ всѣхъ формъ рабства, какъ экономическаго, такъ и идейнаго, заявляютъ свою готовность продлить еще на неопредѣленное время вліяніе отживающаго міросозерцанія!

Выше было сказано, что профессіональные союзы имѣютъ задачи, отличныя отъ задачъ политической партіи, и потому иначе рѣшаютъ многіе вопросы. Профессіональный союзъ имѣетъ цѣлью улучшеніе положенія рабочихъ при данномъ экономическомъ строѣ. Къ борьбѣ за сокращеніе рабочаго дня и увеличеніе заработной платы сводится наиболѣе существенная часть дѣятельности такого союза. Понятно, что цѣли профессіональнаго союза могутъ одинаково признаваться и соціалистами и ихъ противниками, людьми религіозными и невѣрующими и т. д. и т. д. Болѣе того: профессіональный союзъ заинтересованъ въ привлеченіи возможно большаго числа членовъ, такъ какъ это дѣлаетъ его болѣе сильнымъ и болѣе стойкимъ. Политическая же партія имѣетъ цѣлью ниспроверженіе существующаго порядка вещей, ея члены должны быть связаны между собой общностью міросозерцанія, общностью программы. Ея вліяніе на массу больше зависитъ отъ яснаго пониманія ея членами и отъ проведенія ими на практикѣ принциповъ партіи, чѣмъ отъ количества ея членовъ. Такъ напр., въ занимавшемъ насъ выше вопросѣ всѣ члены соціаль-демократической партіи должны признавать и умѣть отстаивать тотъ пунктъ ея программы, въ которомъ говорится объ отдѣленіи церкви отъ государства; члены же профессіональныхъ союзовъ могутъ быть разныхъ взглядовъ на этотъ вопросъ. Это-то и принято называть нейтральностью профессіональныхъ союзовъ.

Однако, не всѣ одинаково понимаютъ эту нейтральность. Дѣло въ томъ, что въ нѣкоторыхъ европейскихъ странахъ профессіональное движеніе возникло сравнительно позже соціаль-демократической партіи и создано членами это партіи и благодаря ея дѣятельности въ парламентѣ и въ странѣ. Въ этихъ случаяхъ профессіональные союзы являются плотью отъ плоти соціаль-демократической партіи. Нейтральность союзовъ состоитъ въ томъ, что они принимаютъ въ число своихъ членовъ и не соціаль-демократовъ, но всѣмъ хорошо извѣстно, что союзы эти имѣютъ соціаль-демократическій характеръ: они являются для многихъ рабочихъ лишь подготовительной школой къ соціаль-демократіи, точно также какъ и наоборотъ, большинство рабочихъ, состоящихъ членами соціаль-демократической партіи, входятъ въ составъ профессіональныхъ союзовъ.

Эта взаимная связь двухъ теченій, подкрѣпляющихъ и дополняющихъ другъ друга является бѣльмомъ на глазу для тѣхъ людей, которые хотѣли бы лишить европейское рабочее движеніе его революціоннаго характера. Отсюда же исходитъ проповѣдь особаго рода нейтральности, подъ которой эти новые друзья рабочаго класса подразумѣваютъ отреченіе профессіональныхъ союзовъ отъ соціальдемократіи и созданіе организацій, подобной англійскимъ трэдъюніонамъ, которые не занимаются политикой или вѣрнѣе занимаются ею спорадически, когда это понадобится тому или другому цеху, той или другой профессіи. Принципіальной борьбы соціаль-демократической партіи, отстаивающей интересы всего рабочаго класса, эти сторонники соціальной реформы, какъ они себя называютъ, знать не хотятъ.

На происходившемъ 16-21 іюня въ Штутгартѣ съѣздѣ германскихъ профессіональныхъ союзовъ, эти фальшивые друзья получили надлежащій отвѣтъ на всѣ свои заигрыванія: большинство ораторовъ на съѣздѣ старались подчеркнуть единство германскаго рабочаго движенія и связь профессіональныхъ союзовъ съ соціаль-демократической партіей.

Эта связь сказалась не только въ рѣчахъ, но и въ духѣ принятыхъ на конгрессѣ резолюцій. Такъ, напримѣръ, по вопросу о работѣ на дому конгрессъ высказался за желательность совершеннаго запрещенія такой работы, дающей возможность предпринимателямъ прибѣгать къ наихудшимъ формамъ эксплуатаціи преимущественно женскаго и дѣтскаго труда. Въ видѣ переходныхъ мѣръ конгрессъ требуетъ распространенія на этого рода работы всѣхъ постановленій фабричнаго законодательства, подчиненія ихъ контролю фабричныхъ инспекторовъ, запрещенія дѣтскаго труда, запрещенія работать по ночамъ, по воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ, санитарнаго надзора за мастерскими и строгихъ наказаній за нарушеніе всѣхъ относящихся сюда постановленій.

Далѣе, конгрессъ высказался за необходимость болѣе интенсивной агитаціи среди работницъ и привлеченія ихъ въ общія профессіональныя организаціи. Въ особой резолюціи высказано требованіе государственнаго страхованія отъ безработицы, но предварительнымъ его условіемъ должны быть: неограниченная свобода союзовъ и стачекъ, предоставленіе профессіональнымъ организаціямъ правъ юридическаго лица и правильный періодическій подсчетъ числа безработныхъ.

Не лишено интереса, что на засѣдавшемъ въ первыхъ числахъ іюля въ Мюнхенѣ конгрессѣ христіанскихъ профессіональныхъ союзовъ высказывались совершенно противуположныя мнѣнія: „Съ христіанской точки зрѣнія нельзя желать полнаго

...ющій въ Цюрихѣ 3-й международный конгрессъ рабочихъ текстильной промышленности принимаетъ къ свѣдѣнію тотъ фактъ, что въ нѣкоторыхъ странахъ существуютъ профессіональные союзы, называющіе себя желтыми (во Франціи), христіанскими или смѣшанными (т. е. состоящими изъ предпринимателей и рабочихъ) и основанные лишь съ цѣлью затруднить чисто рабочую профессіональную пропаганду. Конгрессъ рѣшаетъ не допускать на будущіе конгрессы представителей указанныхъ союзовъ, такъ какъ они являются представителями международнаго союза рабочихъ, стоящихъ на точкѣ зрѣнія классовой борьбы. Конгрессъ приглашаетъ всѣхъ рабочихъ, каковы бы ни были ихъ религіозныя и политическія убѣжденія, создавать профессіональныя организаціи для борьбы съ произволомъ предпринимателей за свое окончательное освобожденіе".

Укажемъ еще на нѣкоторыя другія рѣшенія этого конгреса, имѣющія общій интересъ. Рѣшено добиваться запрещенія сверхурочныхъ работъ и бороться за постепенное сокращеніе рабочаго дня до 8-ми часовъ. Постановлено учредить международный стачечный фондъ, и принята резолюція, обязывающая всѣхъ организованныхъ ткачей и прядильщиковъ при выборахъ голосовать только за такихъ кандидатовъ, которые заявятъ свою готовность поддерживать въ парламентѣ рѣшенія конгресса.

Рѣшеніе, сходное съ послѣднимъ, было принято и на международномъ (13-мъ) съѣздѣ горнорабочихъ въ Дюссельдорфѣ (16-23 мая). Одинъ австрійскій делегатъ пошелъ даже еще далѣе и требовалъ, чтобы избирали только кандидатовъ, выставляемыхъ соціаль-демократической партіей, но въ виду отсутствія въ Англіи такого единства между соціаль-демократіей и трэдъюніонизмомъ пришлось ограничиться болѣе общимъ рѣшеніемъ. А, между тѣмъ, оно имѣло въ виду, главнымъ образомъ, Англію, гдѣ еще недавно представитель рабочихъ вотировалъ въ парламентѣ противъ закона о 8-ми часовомъ рабочемъ днѣ для горнорабочихъ. Даже на самомъ конгрессѣ трое англійскихъ делегатовъ, изъ которыхъ одинъ оказался членомъ парламента, вотировали противъ распространенія закона о восьмичасовомъ рабочемъ днѣ на тѣхъ горныхъ рабочихъ, которые работаютъ на поверхности земли. Неудивительно, что этотъ цеховой эгоизмъ англійскихъ трэдъюніонистовъ вызвалъ самую рѣзкую отповѣдь со стороны другихъ делегатовъ. „Еслибы — сказалъ одинъ изъ нихъ — кто-нибудь изъ нашихъ вождей позволилъ себѣ что-нибудь подобное, то онъ былъ бы выкинутъ изъ организаціи".

Къ другимъ рѣшеніямъ Дюссельдорфскаго конгресса мы надѣемся еще вернуться.

# ИЗЪ ПАРТІИ.

Харьковскій Комитетъ Партіи слился съ мѣстнымъ „Союзомъ Борьбы за Осв. Раб. Класса" и принялъ двойное названіе Харьк. Ком. Р. С.-Д. Р. П.—Союзъ Борьбы" и т. д. Сформировавшійся въ Полтавѣ Комитетъ Партіи выпустилъ 2 гектогр. прокламаціи къ рабочимъ—одну о стачечной борьбѣ, а другую—о политической свободѣ.

---

Тверская организація преобразовалась въ Комитетъ Партіи и издала по этому поводу слѣдующую прокламацію:

Съ 1-го мая настоящаго года Тверская Группа Рос. С.-Д. Р. П. приняла названіе Комитета. Этимъ шагомъ мѣстная организація окончательно включаетъ себя въ составъ большого организованнаго цѣлаго—Рос. Соц.-дем. Партіи, изъ чего вытекаетъ обязанность ея во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ руководиться тѣми тактическими принципами, которые получили партійную санкцію, — право автономнаго рѣшенія только тѣхъ вопросовъ, которые носятъ исключительно мѣстный характеръ. Таковы съ принципіальной точки зрѣнія послѣдствія принятія Группой формы Комитета, ячейки партійной организаціи.

Въ настоящее время русскимъ соц.-демократическимъ организаціямъ нельзя ограничиться простымъ заявленіемъ о принадлежности къ дѣйствующей въ Россіи Соц.-Дем. Партіи вообще. Неизбѣжныя въ каждомъ живомъ дѣлѣ теоретическія и практическія разногласія создали расколъ между борящимися подъ однимъ знаменемъ организаціями и ихъ литературными органами. Примирить эти разногласія, установить единую точку зрѣнія на спорные вопросы и властнымъ словомъ прекратить состояніе партійной анархіи--дѣло всей партіи и ея компетентнаго органа--съѣзда. Но пока это слово не сказано, всякая вновь возникающая въ Россіи организація должна, хотя бы въ краткой формѣ, установить то или иное отношеніе къ спорющимъ сторонамъ. Эту--и только эту--цѣль преслѣдуетъ настоящій листокъ.

Тверской Комитетъ примыкаетъ къ программѣ „Искры" и считаетъ ея освѣщеніе современныхъ намъ событій наиболѣе правильнымъ. Задача объединенія партійныхъ силъ въ виду мобилизировавшаго всѣ свои силы самодержавія; задача созданія удовлетворяющаго и количественно и качественно потребности момента---печатнаго органа, который разнесъ бы во всѣ концы Русской Земли искры революціоннаго пожара и стянулъ бы всѣхъ протестантовъ подъ красное знамя соціальдемократіи, короче, огромная работа---сплоченіе всѣхъ революціонныхъ силъ для рѣшительнаго натиска на русскій политическій строй и передача революціонной гегемоніи въ руки русскаго пролетаріата и его естественной руководительницы—соц.-дем. партіи--вотъ насущныя требованія переживаемаго нами момента. Внести свою долю труда должна и всякая мѣстная организація; по мѣрѣ силъ и возможности Тверской Комитетъ постарается выполнить это.

Въ своей дѣятельности среди рабочихъ Тверской Комитетъ будетъ настойчиво подчеркивать политическій моментъ. Онъ будетъ стараться использовать всякій случай, дающій возможность расширить политическій горизонтъ рабочей массы путемъ агитаціоннаго листка или летучей брошюры. Руководя рабочими въ борьбѣ за чисто-экономическія требованія, Комитетъ будетъ указывать на недостаточность одной профессіональной борьбы. Въ виду недостатка привозной нелегальной литературы и растущаго спроса на нее, Комитетъ постарается удовлетворить его путемъ собственнаго издательства.

Относительно дѣятельности другихъ оппозиціонныхъ слоевъ населенія, Комитетъ будетъ руководиться соображеніями о на-

личности необходимыхъ силъ. Онъ беретъ на себя распространеніе нелегальной литературы среди мѣстной интеллигенціи. Всякій фактъ правительственнаго насилія и произвола, происшедшій въ районѣ его вліянія, будетъ имъ оглашенъ въ своихъ и партійныхъ изданіяхъ. Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда поддержка его будетъ необходима, онъ поддержитъ посильно всякую попытку протеста со стороны другихъ оппозиціонныхъ группъ.

Тверской Комитетъ обращается ко всѣмъ сочувствующимъ элементамъ общества съ просьбой о матеріальной поддержкѣ. Онъ проситъ другія организаціи перепечатать настоящій листокъ.

Тверской Комитетъ Рос. Соц.-Дем. Раб. Партіи.

### Письмо въ редакцію.

Прошу удѣлить мнѣ нѣсколько строкъ для опроверженія одной инсинуаціи.

Два мѣсяца назадъ я случайно присутствовалъ на квартирѣ у соціалиста-революціонера N при объясненіи между однимъ представителемъ нашей „Лиги" и г. Рубановичемъ, представителемъ Партіи Соц.-Рев. Рѣчь шла о недоразумѣніяхъ, вызванныхъ изданіемъ одной группой, примыкающей къ Лигѣ, бюллетеня на французскомъ языкѣ (*Echos de Russie*). Въ виду дошедшихъ до него нареканій на то, что „искровцы" изданіемъ своего бюллетеня, якобы, пошли въ разрѣзъ съ начинаніями междуфракціоннаго комитета въ Парижѣ, затѣвавшаго такой же бюллетень,— нашъ упомянутый товарищъ просилъ г. Рубановича выяснить въ присутствіи моемъ и товарища N это дѣло. Изъ послѣдовавшихъ затѣмъ объясненій мы съ товарищемъ N смогли констатировать, что группа „искровцевъ" стала издавать свой бюллетень лишь послѣ того, какъ упомянутый междуфракціонный комитетъ отклонилъ идею совмѣстнаго изданія бюллетеня, какъ предпріятія не жизнеспособнаго. Послѣ этого разъясненія товарищъ N и г. Рубановичъ признали, что поведеніе „искровцевъ" въ этомъ вопросѣ было вполнѣ корректнымъ, и что инцидентъ надо считать исчерпаннымъ.

Каково же было мое удивленіе, когда 2 мѣсяца спустя я прочелъ въ французскомъ листкѣ, изданномъ „Партіей Соц.-Рев." тотъ же упрекъ по адресу издателей „бюллетеня", что они начали свое изданіе „въ то самое время, когда русскія соціалистич. и революц. группы заграницей (включая и „Искру") искали путей и средствъ для изданія сообща безпартійнаго бюллетеня"?

Я приглашаю товарища (котораго не могу назвать, не зная, удобно ли это для него) подтвердить въ „Рев. Росс." правильность передачи мной результатовъ того „разслѣдованія", которое мы съ нимъ произвели по поводу этой инсинуаціи. Если же онъ не признаетъ эту передачу правильной, пусть объ этомъ заявитъ печатно и, если можетъ, возьметъ на себя открыто отвѣтственность за взведенное на насъ — по моему убѣжденію, ложное — обвиненіе.

Л. Сергѣевъ, членъ Лиги Рев. С.-Д.

## ХРОНИКА РЕВОЛЮЦІОННОЙ БОРЬБЫ.

Въ Петербургѣ въ началѣ августа аресты среди рабочихъ.

Въ Курскѣ въ концѣ іюля арестованы: гимн. Лагутинъ, студ. Шекунъ и военный фельдшеръ Инютинъ; это второй случай арестовъ за нынѣшній годъ въ полку. Ради маневровъ, на которыхъ долженъ быть царь, городъ наводненъ шпіонами. Заказано 2.000 шпіонскихъ значковъ. Можно себѣ представить, какой „восторженный" пріемъ со стороны „Курскаго населенія" встрѣтитъ царь, когда обладатели этихъ значковъ подымутъ патріотическій ревъ!—Въ цѣляхъ охраны организована коммисія въ составѣ вице-губернатора, полицмейстера, жанд. полковника и губ. архитектора для осмотра погребовъ и подваловъ.

Въ Москвѣ 11-го іюля по распоряженію СПБ. Жанд. Упр. арестованъ бывшій статист. И. П. Чарушниковъ и немедленно отправленъ въ Петербургъ.

Въ Кіевѣ въ іюлѣ былъ обыскъ въ квартирѣ лаборантовъ Политехникума Коваленко, Карманова и Попельскаго. Послѣдній арестованъ. Въ іюнѣ арестовано нѣсколько столяровъ за пропаганду среди солдатъ.

Въ Астрахани арестованъ юристъ Сереженковъ, обыски у Вржосека и Еврейнова.

Исаакъ Лолоянцъ и Прасковья Лолоянцъ, привлекавшіеся въ 1900 г. (апрѣль) по дѣлу Екатеринославскаго Комитета и газеты „Южный Рабочій", бѣжали и благополучно прибыли за границу: первый изъ Балаганска Иркутской губ., вторая изъ Воронежа. Оба были высланы до полученія приговора.

Изъ Сибири же бѣжали въ послѣднее время: Лысикъ (по Московскому дѣлу, бѣжалъ вторично), М. Жалудская (портниха изъ Варшавы, по дѣлу „бунда"), Феликсъ Держинскій (рабочій изъ Варшавы, по дѣлу польской с.-д-іи, былъ арестованъ нелегальнымъ послѣ побѣга изъ Вятской губ.), Р. Орлова (по Кременчуг. с.-д. дѣлу 1898 г.) и Сладкопѣвцевъ (изъ С.П.Б.). По пути въ Сибирь бѣжалъ Малиновскій, сосланный на 8 л. по дѣлу типографіи польскаго „Работника".

Съ Ангары (Енисейск. губ.) бѣжалъ одесскій рабочій Гринштейнъ-Розенбергъ, сосланный въ 1899 году, прибылъ заграницу. Изъ части въ Екатеринославлѣ бѣжали, черезъ окно, и прибыли благополучно заграницу: 1) рабочій Бабушкинъ (арестованъ въ 1901 г. въ Орѣховѣ-Зуевѣ) и 2) Харьковскій студентъ Горовицъ (по дѣлу Харьковск. Комитета).

даже взять его въ жандармы и подписалъ полное отреченіе отъ революціонной дѣятельности и раскаяніе.

Принимая во вниманіе, что Капланъ, какъ нелегальный, занималъ особенно важный постъ и что онъ выдалъ много лицъ, — мы признаемъ его **очень вреднымъ предателемъ**, предостерегаемъ и призываемъ товарищей къ полному прекращенію съ нимъ навсегда сношеній и къ оглашенію его во всѣхъ революціонныхъ изданіяхъ, несмотря на то, что онъ подавалъ прошеніе къ мин-мъ Вн. Дѣлъ и Юст., въ которыхъ онъ отрекался отъ данныхъ имъ предательскихъ показаній, что онъ далъ для оглашенія нижеслѣдующій документъ, написанный собственной рукой и что получилъ онъ приговоръ — 5 л. Вост. Сибири.

## ИСПОВѢДЬ ПРЕДАТЕЛЯ.

(Прилагаемая „исповѣдь" А. Б. Каплана, можетъ дать представленіе о томъ, какой тактикой жандармы успѣваютъ иногда одурачить и довести до предательства малодушныхъ и несознательныхъ революціонеровъ. За недостаткомъ мѣста отбрасываемъ всѣ второстепенныя подробности.)

### Письмо изъ тюрьмы.

„Пишу подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ только что пережитаго. Обвинялся я въ устройствѣ тайной типографіи. Слѣдствіе велось товарищемъ прокурора Трусевичемъ, при содѣйствіи товарища прокурора Бѣляева. Содержали меня въ Петропавловской крѣпости".

Въ теченіе шести съ половиной мѣсяцевъ Капланъ отказывался отъ дачи показаній. Послѣ этого тактика жандармовъ по отношенію къ нему измѣнилась.

„Я опять былъ привезенъ въ Жанд. Упр. Я увидѣлъ общество, состоявшее изъ господъ Трусевича, Бѣляева и др. офицеровъ. Говорили всѣ, но особенно выдавался Трусевичъ. Онъ уже не сталъ мнѣ доказывать неправоту нашего дѣла. Онъ указывалъ мнѣ на безполезность революціонной борьбы, на неравенство силъ организованнаго правительства и неорганизованной горсти революціонеровъ. Распространялся о томъ, что правительство наше совсѣмъ не консервативно, что оно само видитъ недостатки настоящаго строя, но по опытности своей изъ любви къ народу не желаетъ сразу ломать вѣками утвержденнаго порядка вещей, но по немногу изыскиваетъ средства къ улучшенію положенія народа. Что русское правительство совсѣмъ не преслѣдуетъ экономической борьбы за интересы рабочихъ и даже наоборотъ, всегда принимаетъ сторону обиженныхъ. Что если бы рабочіе удалили изъ своей программы политическую борьбу, то правительство нисколько бы имъ не мѣшало въ ихъ дѣятельности. Что легальнымъ путемъ можно добиться гораздо большихъ улучшеній въ положеніи народа, чѣмъ революціонной борьбой, которая толкаетъ столько здоровыхъ людей, имѣвшихъ бы возможность на легальной почвѣ принести больше пользы обществу, на скользкій путь тайной дѣятельности, которая доставляетъ большія страданія очень многимъ, но видимой пользы никому не приноситъ"... „...Говорили они также, что правительство наше стало смотрѣть на наказаніе политиковъ не какъ на актъ мести, а какъ на мѣру, ограждающую общество отъ дальнѣйшаго вреднаго вліянія на него лица, совершившаго преступленіе и что если какой-нибудь революціонеръ докажетъ, что онъ не намѣренъ больше принимать участіе въ революціонной дѣятельности, его немедленно освободятъ. Тогда же Трусевичъ предложилъ мнѣ сдѣлаться наборщикомъ при Жанд. Упр., основываясь на томъ, что я выразилъ сожалѣніе объ отсутствіи всякаго физическаго труда въ тюрьмѣ." „...Я отвѣчалъ имъ, что, насколько я помню, я имъ не давалъ никакого повода къ тому, чтобы они осмѣлились предлагать мнѣ должность жандарма. Послѣ этого меня доставили обратно въ тюрьму и больше не тревожили. — Послѣ всѣхъ этихъ споровъ мое довѣріе къ жандармамъ сильно возрасло. Я еще не былъ знакомъ съ ихъ тактикой, основанной исключительно на хитрости, и придалъ цѣну увѣреніямъ господъ прокуроровъ и жандармовъ и дорого заплатилъ я за это довѣріе. Если, думалъ я въ то время, правительство наше, представителемъ котораго является въ столкновеніяхъ со мной прокуроръ, говоритъ, что экономическая борьба въ Россіи дозволена, что преслѣдуется только революціонная дѣятельность; видя и чувствуя на самомъ себѣ, что каждый шагъ нашъ впередъ обходится такъ дорого, соглашаясь съ прокуроромъ, что положеніе рабочаго класса дѣйствительно улучшается (забылъ я, однако, при этомъ размышленіи одно обстоятельство, что положеніе наше улучшается при энергичномъ сопротивленіи правительства, а не при содѣйствіи его), что составъ правительственныхъ сферъ мѣняется качественно, требуя лицъ все болѣе образованныхъ, что каждый изъ насъ при революціонной дѣятельности находится на волѣ не долго, а попадется скоро въ тюрьму или ссылку; поразмысливъ такимъ образомъ, я нашелъ, что въ самомъ дѣлѣ не стоитъ бороться съ правительствомъ столь прогрессивнымъ (по крайней мѣрѣ на словахъ); а лучше посвятить свои силы легальной дѣятельности среди рабочихъ, исключительно на почвѣ экономическихъ интересовъ. Мысль эта такъ овладѣла мною, что у меня явилось страстное желаніе выйти изъ тюрьмы и совершенно легализироваться, чтобы имѣть возможность проводить свои взгляды въ рабочей средѣ. А тутъ еще это предложеніе относительно поступленія въ наборщики! Разъ у меня явились новые взгляды на вещи, я считалъ для себя постыднымъ скрываться отъ кого-бы то ни было; и вотъ черезъ нѣсколько недѣль можетъ затянуться на неопредѣленное время оттого, что за разъясненіемъ каждаго незначительнаго обстоятельства проводятъ цѣлые мѣсяцы, по неволѣ привлекая къ дѣлу невинныхъ лицъ и что выясненіе роли лицъ, принимавшихъ незначительное участіе въ дѣлѣ и уже привлеченныхъ къ дѣлу, является прямой обязанностью каждаго. Имъ удалось настолько убѣдить меня, что я, имѣя въ виду: 1) освѣтить роль каждаго изъ дѣйствующихъ лицъ, не предполагая, что я могу имъ этимъ принести вредъ, въ особенности же двоихъ товарищей, разъясненіе роли которыхъ могло имъ принести или даже принесло пользу и 2) желая въ интересахъ легальной экономической борьбы освободиться изъ заключенія, опутанный со всѣхъ сторонъ лживыми прокурорами и жандармами, я оговорилъ нѣсколькихъ лицъ, причемъ показанія мои часто прямо подсказывались мнѣ ими и впослѣдствіи даже оказались ложными. На послѣднихъ допросахъ ихъ тлетворное вліяніе на меня было такъ сильно и я былъ такъ хитро оплетенъ ихъ сладкими рѣчами, что я написалъ отреченіе отъ революціонной программы. Но ослѣпленіе мое, къ счастью, продолжалось недолго. Уже черезъ нѣсколько недѣль послѣ послѣднихъ допросовъ я разглядѣлъ всю фальшь и хитрость нашихъ прокуроровъ — жандармовъ и горько сожалѣть о многихъ словахъ, чуть не силой вырванныхъ у меня, хотя подъ маской вѣжливости, которыя, можетъ быть, отягчили участь нѣсколькихъ лицъ и не принесли желаннаго мною нѣкоторымъ облегченія. Пусть же этотъ фактъ будетъ послѣднимъ и да послужитъ онъ упрекомъ для лицъ, вѣрящихъ въ прокурорско-жандармскую справедливость и въ то, что при содѣйствіи русскаго правительства имъ удастся облегчить участь стонущаго подъ двойнымъ ярмомъ русскаго рабочаго.

Абрамъ Борухъ Капланъ.

(Отъ Петерб. Комитета Р. С. Д. Р. Партіи).

Въ С. П. Б. по Екатерининскому Каналу домъ №45 кв. 17 проживаетъ съ женой агентъ Страховаго О-ва Эквитебль Абрамъ Израилевичъ Плоткинъ, онъ же Плотке, занимающійся исключительно страхованіемъ, но не отъ огня, — а отъ враговъ самодержавія. Натянувъ на себя личину противника самодержавія, очень сочувствующаго революціонному движенію, этотъ мерзавецъ разставляетъ сѣти и ловитъ жертвы. Его квартира наполнена нелегальной литературой, шрифтомъ, поддѣльными паспортами, печатками и проч.

Живетъ въ Питерѣ давно, часто бываетъ въ командировкахъ, (между прочимъ, былъ недавно въ Казани), мѣняетъ фамилію и въ адресномъ столѣ не числится. Пріѣхалъ изъ Минска, гдѣ знали его за провокатора. Вотъ его примѣты: лѣтъ ему 50, низкаго роста, лысый, лицо блѣдно-землистаго цвѣта, морщинистое. Стриженая борода, полу сѣдая, голубые глаза, постоянно мигающіе, говоритъ по русски плохо.

Здѣсь же въ С. П. Б. проживаетъ и Рубашевскій извѣстный по Кіеву провокаторъ.

## ПЕРСИЦЪ.

Года три тому назадъ г. Персицъ явился въ Женеву къ Плеханову и, признавшись въ томъ, что состоялъ агентомъ Зубатова, заявилъ о своемъ раскаяніи и о своей готовности загладить свой грѣхъ*). Онъ предложилъ Плеханову свои услуги въ роли новаго Дегаева. Само собою разумѣется, что это предложеніе было отклонено Плехановымъ, который, рѣшительно не одобряя Дегаевщины въ принципѣ, находилъ къ тому же, что раскаяніе шпіона — вещь болѣе, чѣмъ сомнительная. Встрѣтивъ недовѣрчивое отношеніе къ себѣ со стороны русской Женевской колоніи, предупрежденной Плехановымъ, г. Персицъ исчезъ съ тѣмъ, чтобы вновь появиться лѣтомъ нынѣшняго года въ Женевѣ въ качествѣ члена мѣстнаго нѣмецкаго соціаль-демократическаго общества. Въ Женеву онъ пріѣхалъ на этотъ разъ изъ С.-Галлена, гдѣ онъ тоже втерся въ нѣмецкое соц.-дем. общество и откуда было послано, — по его иниціативѣ, — напечатанное въ 22 № „Искры" привѣтствіе русскимъ соціалъ-демократамъ. Г. Персицъ не понялъ, что въ виду его прошлаго всякое выраженіе имъ сочувствія русскимъ революціонерамъ можетъ быть разсматриваемо, какъ „лобзаніе Іуды".

Когда до Плеханова и Ляхоцкаго дошли слухи о томъ, что г. Персицъ состоитъ членомъ нѣмецкаго соц.-дем. общества, они разоблачили его въ присутствіи [illegible] этого общества. Тогда г. Персицъ „добровольно" вышелъ изъ ферейна. Но его бывшіе (невольные) товарищи единогласно приняли резолюцію, по смыслу которой выходитъ, что если бы г. Персицъ не поспѣшилъ выйти, то онъ былъ бы исключенъ.

Этотъ господинъ проживаетъ теперь въ Женевѣ, возбуждая справедливое негодованіе во всѣхъ тѣхъ, кто знаетъ его прошлое и кому извѣстно, какъ странно, — чтобы не сказать болѣе, — ведетъ онъ себя въ настоящее время.

Предупреждаемъ всѣхъ товарищей противъ этого экземпляра изъ стаи грязной зубатовскихъ птенцовъ.

*) Подобное же признаніе было сдѣлано имъ эмигрантамъ Бирюкову и Ляхоцкому.

## ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

С.-Петербургъ: „мы" 4р. 50 к. еще „мы" — бр. 10 к.
Отъ С. П. Б. С. Б. 19 р. 50 к.
Отъ Б-ской группы за іюнь:
отъ кружка—100 м., изъ Л. черезъ М.—ю—61 м. (въ томъ

Варшавы, по дѣлу „Бунда“), Феликсъ Держинскій (рабочій изъ Варшавы, по дѣлу польской с.-д.-іи, былъ арестованъ нелегальнымъ послѣ побѣга изъ Вятской губ.), Р. Орлова (по Кременчуг. с.-д. дѣлу 1898 г.) и Сладкопѣвцевъ (изъ С.П.Б.). По пути въ Сибирь бѣжалъ Малиновскій, сосланный на 8 л. по дѣлу типографіи польскаго „Работника“.

Съ Ангары (Енисейск. губ.) бѣжалъ одесскій рабочій Гринштейнъ-Розенбергъ, сосланный въ 1899 году, прибылъ заграницу. Изъ части въ Екатеринославлѣ бѣжали, черезъ окно, и прибыли благополучно заграницу: 1) рабочій Бабушкинъ (арестованъ въ 1901 г. въ Орѣховѣ-Зуевѣ) и 2) Харьковскій студентъ Горовицъ (по дѣлу Харьковск. Комитета).

Латыши Эрнестъ Ролау (бывш. Моск. студ.) и Клява, арестованные лѣтомъ 1901 г. на границѣ по обвиненію въ транспортировкѣ литературы, сосланы: первый на 6, второй на 4 г. въ Восточ. Сибирь.

Въ хронику прошлаго № вкралась ошибка: фамилія засѣдателя, за убійство котораго судился А. Ергинъ, не Калашниковъ, а Ивановъ.

---

**Изъ области жандармскихъ секретовъ:**

Въ Петербургѣ 26-го іюня получена на имя Министра Земледѣлія и Гос. Имуществъ телеграмма (шифрованная) изъ Харькова, въ которой жандармскій полковникъ проситъ министра не предпринимать со своей стороны ничего противъ тайнаго съѣзда воспитанниковъ Средне-земледѣльческихъ училищъ, происходящаго въ Харьковѣ, такъ какъ онъ, жандармскій полковникъ, уже выслѣдилъ и надѣется выслѣдить до конца.

Недавно по почтовымъ учрежденіямъ разосланъ тайный циркуляръ о вскрытіи въ почтовыхъ посылкахъ переплетовъ подозрительной толщины, такъ какъ, по даннымъ полиціи, ими пользуются для пересылки революціонныхъ изданій.

Въ секретномъ циркулярѣ къ губернаторамъ и начальникамъ жандармскихъ управленій за № 4328 отъ 27-го іюня 1902 г. Департаментъ полиціи предупреждаетъ указанныхъ лицъ о циркулирующихъ по деревнямъ революціонныхъ брошюрахъ и о тѣхъ пріемахъ, которые примѣнены издателями, чтобы скрыть ихъ нелегальность (клеймо „дозволено цензурой“ и адресъ мнимаго мѣста изданія). Предписывая „самый внимательный надзоръ за изданіями, распространенными среди крестьянъ черезъ книгоношъ и черезъ сельскія библіотеки“, департаментъ обстоятельно знакомитъ своихъ чиновниковъ съ содержаніемъ четырехъ революціонныхъ брошюръ, дѣлая ссылки на страницы и довольно толково излагая основныя мысли авторовъ. „Въ послѣднее время, говоритъ циркуляръ, замѣчается особенно усиленная агитаторская дѣятельность разныхъ революціонныхъ организацій, направленная преимущественно къ воздѣйствію на крестьянское населеніе въ цѣляхъ подорвать въ немъ довѣріе къ дѣйствіямъ Правительства, а также обострить отношенія къ частнымъ землевладѣльцамъ“.

---

Товарищи просятъ о напечатаніи слѣдующаго сообщенія:

„Абрамъ Борухъ Капланъ, наборщикъ, арестованный 6-го марта 1901 года въ городѣ Нѣжинѣ, Черниговской губер., привезенный послѣ въ Петербургъ въ Петропавловскую крѣпость, былъ обвиненъ въ устройствѣ тайной типографіи въ г. Нѣжинѣ. Въ ноябрѣ прошлаго года на одномъ изъ допросовъ онъ выдавалъ товарищей, арестованныхъ и неарестованныхъ; предложилъ ся на волѣ не долго, а попадется скоро въ тюрьму или ссылку; поразмысливъ такимъ образомъ, я нашелъ, что въ самомъ дѣлѣ не стоитъ бороться съ правительствомъ столь прогрессивнымъ (по крайней мѣрѣ на словахъ); а лучше посвятить свои силы легальной дѣятельности среди рабочихъ, исключительно на почвѣ экономическихъ интересовъ. Мысль эта такъ овладѣла мною, что у меня явилось страстное желаніе выйти изъ тюрьмы и совершенно легализироваться, чтобы имѣть возможность проводить свои взгляды въ рабочей средѣ. А тутъ еще это предложеніе относительно поступленія въ наборщики! Разъ у меня явились новые взгляды на вещи, я считалъ для себя постыднымъ скрываться отъ кого-бы то ни было; и вотъ черезъ нѣсколько недѣль послѣ сдѣланнаго мнѣ предложенія я посылаю заявленіе въ Жанд. Упр., прося, чтобы меня туда вызвали. Я рѣшилъ, что принять должность наборщика при Упр. само по себѣ не составляетъ преступленія противъ совѣсти или товарищей, если оно вызвано болѣе важными соображеніями. Во всякомъ случаѣ, думалъ я, если въ этомъ кроется какая-нибудь хитрость, то я сумѣю во всякую минуту отказаться отъ роли, которую они захотятъ навязать мнѣ. Въ Жанд. Упр. я засталъ только одного ротмистра, который при предложеніи, сдѣланномъ мнѣ Трусевичемъ насчетъ работы, не присутствовалъ. Когда я ему объяснилъ, въ чемъ дѣло, онъ сказалъ мнѣ, что прокуроръ, вѣроятно, пошутилъ, но обѣщалъ мнѣ немедленно дать знать Трусевичу. Я, между прочимъ, разсказалъ ему о перемѣнѣ, происшедшей въ моихъ убѣжденіхъ и своемъ намѣреніи при освобожденіи изъ тюрьмы начать контрреволюціонную агитацію среди рабочихъ. Онъ объ этомъ немедленно доложилъ полковнику и тотъ предсталъ передо мной со слѣдующимъ предложеніемъ: „Если вы хотите быть освобожденнымъ изъ тюрьмы и не подвергнуться взысканію за совершенное преступленіе, извольте дать откровенное показаніе насчетъ себя и всѣхъ извѣстныхъ вамъ революціонеровъ“. Я, конечно, объяснилъ ему, что перемѣна убѣжденія еще не значитъ превращеніе въ подлеца и предателя и сказалъ, что на такихъ условіяхъ я предпочитаю оставаться въ Петродавловкѣ. Онъ ушелъ. Между тѣмъ, о моемъ предложеніи былъ извѣщенъ Трусевичъ; онъ велѣлъ отвезти меня обратно и привезти на слѣдующій день. На завтра прибывъ въ Упрарленіе и найдя тамъ Трусевича и Бѣляева, я заявилъ имъ о своемъ желаніи. Они, какъ и слѣдовало ожидать, отъ своего предложенія отступились и стали доказывать мнѣ, что разъ я признаю революціонную дѣятельность излишней, я долженъ помочь искорененію ея. Правительство, говорили они мнѣ, потерпѣло отъ моихъ противозаконныхъ поступковъ и теперь совершенно справедливо требуетъ у меня вознагражденія. На что я имъ отвѣтилъ, что я совершенно согласенъ съ ними въ томъ отношеніи, что я долженъ вознаградить правительство за нанесенный ему вредъ, но было бы подло расплачиваться свободой другихъ людей. Въ знакъ своихъ легальныхъ намѣреній я даже предложилъ имъ взять меня на какой-нибудь срокъ въ жандармы, только съ тѣмъ условіемъ, что они о моемъ знакомствѣ съ революціонерами должны забыть совершенно и никогда не требовать у меня никакой подлости. Они не согласились на мое предложеніе, а стали доказывать мнѣ, что разъясненіе дѣла не есть предательство; что очень часто разъясненіе обстоятельствъ облегчаетъ участь многихъ людей, не принося вреда людямъ и безъ того скомпрометированнымъ указаніемъ на ихъ мелкіе проступки; сказали мнѣ, что дѣло нашей типогра- и кому извѣстно, какъ странно, — чтобы не сказать болѣе, — ведетъ онъ себя въ настящее время.

Предупреждаемъ всѣхъ товарищей противъ этого экземпляра изъ стаи грязной зубатовскихъ птенцовъ.

*) Подобное же признаніе было сдѣлано имъ эмигрантамъ Бирюкову и Ляхоцкому.

# ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

С.-Петербургъ: „мы“ 4р. 50 к., еще „мы“---6р. 10 к.

Отъ С. П. Б. С. Б. 19 р. 50 к.

Отъ Б-ской группы за іюнь:

отъ кружка---100 м., изъ Л. черезъ М-ую---61 м., (въ томъ числѣ пожертвовано отъ Г. Р. И.---8 м., отъ М-ой---6 м., остальное за литературу). Отъ Фанни изъ Л---50 м, съ курорта---56 м. (въ томъ числѣ отъ Нат.-Э.---40 фр. на спец. цѣль, отъ нея-же 10 фр. для Искры, отъ З-ва 7 фр. 50 с., отъ друзей „до общей суммы въ 70 фр.“).

Изъ Льежа: 30 фр. 60 с.

Насъ просятъ помѣстить нижеслѣдующій отчетъ Комитета Сибирской кассы въ Цюрихѣ съ 12 янв. по 22 іюля 1902 г.:

Приходъ: Въ кассѣ съ 12 янв. 388 фр. 79 с.; изъ Цюриха 324.39 (членскихъ взносовъ 194.55, собрано по листк. раб.-эмигр. 20., пожертвовано 22.50, долги съ прошлаго бала—11.60, черезъ „Искру“ г-ну П. 26.50, собрано на Protestversamlung 39.24, отъ продажи карточекъ Балмашева, изданныхъ кружкомъ N и R —10 фр.); изъ Винтертура 42.50 (изъ нихъ отъ Arbeiterbildungsverein'а—10 фр.); изъ Давоса 34—; изъ Льежа 198.40 (изъ нихъ отъ харьковцевъ 50 фр.); изъ Фрейбурга 56.25; изъ Берлина 60.—; изъ Брюсселя 41.—; изъ Нью-Іорка 50.—; изъ Карлсруэ 5.—; изъ Фрейбурга черезъ „Бундъ“ 70.37. Итого 1275 фр. 70 с.

Со спектакля 100 Фр.

Расходъ: Въ Московскую тюрьму 100.—; въ Вост. Сиб. 100.70 (38 руб.); собрано по листк. раб.-эмигр. 20.—; въ Енис. губ. 66.25 (25 р.); на Сахалинъ 153.70 (58 р.); ссыльнымъ черезъ Шарлотенбургъ 66.25 (25 р.); въ Ирк. губ. ссыльному литер. 40.50 (15 р.); въ Александр. перес. тюрьм. 48.—(18 р.); отъ Искры г-ну П. 26.50; въ Митавск. тюрм. 50.---; эмигранту 30---; въ Могилевск. губ. 133---въ Одессу черезъ Берлинъ 77.45; черезъ „Бундъ“ ссыльнымъ и заключ. 220.37; въ Иркут. губ. 69.25 (25 р.), въ Енисейск. губ. черезъ Искру 60.---; почтов. расходъ 12.55. Итого 1271.07. Въ кассѣ 22 іюля 4 фр. 63 с.

---

Загр. Лигой Рев. Рус. С.-Д. издано: Ф. Энгельсъ Развитіе научнаго соціализма. Изданіе 2-е съ предисловіемъ Г. Плеханова.

Печатается и на дняхъ выйдетъ въ свѣтъ: Самодержавіе и стачки (Секретная записка Мин. Фин. о легализаціи стачекъ. Съ приложеніемъ статьи Л. Мартова: Новая побѣда русскихъ рабочхих.

Печатается изданіе „Зари“: Эрфуртская программа К. Каутскаго, 2-е исправленное изданіе.

—ъ. Ваша статья помѣщена въ „Зарѣ“. Пришлите адресъ для явки, получите литературу.

„Флорѣ изъ О.“ Изъ вашего города была въ послѣднее время только корресп., помѣщенная въ № 24, объ ней ли спрашиваете? Прокламацій, кромѣ присланной вами, не получали.

Со всѣми требованіями на нашу литературу просимъ обращаться изъ заграницы по адресу: Herrn Axelrod. Zurich, Vogelsangstrasse 9